

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

_____
(код и наименование направления подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

_____
(направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Основания и процессуальный порядок задержания подозреваемого»

Студент

Д.В. Крайнова

_____
(И.О. Фамилия)

_____
(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, О.А. Кожевников

_____
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Актуальность избранной темы исследования заключается в том, что уголовно-процессуальное задержание занимает особое место в системе мер уголовно-процессуального принуждения в отечественном уголовном процессе.

Объектом исследования в настоящем исследовании выступают общественные отношения, связанные с задержанием лица подозреваемого в совершении преступления.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение уголовно-процессуального института задержания в целях дальнейшего совершенствования его нормативных и доктринальных основ.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- охарактеризовать задержание в качестве меры уголовно-процессуального принуждения;
- определить понятие оснований задержания подозреваемого в совершении преступления и их виды;
- установить мотивы и цели задержания подозреваемого;
- рассмотреть особенности соотношения фактического и процессуального задержания;
- проанализировать порядок процессуального оформления и исчисление сроков задержания подозреваемого;
- исследовать порядок, основания и процессуальные последствия освобождения задержанного.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие и основания задержания подозреваемого в совершении преступления	8
1.1 Задержание – как мера уголовно-процессуального принуждения	8
1.2 Понятие оснований задержания подозреваемого в совершении преступления и их виды.....	16
1.3 Мотивы и цели задержания подозреваемого	32
Глава 2 Порядок уголовно-процессуального задержания	38
2.1 Соотношение фактического и процессуального задержания	38
2.2 Процессуальное оформление и исчисление сроков задержания подозреваемого.....	48
2.3 Освобождение задержанного: порядок, основания и процессуальные последствия	57
Заключение.....	63
Список используемой литературы и используемых источников	67

Введение

Актуальность избранной темы исследования заключается в том, что уголовно-процессуальное задержание занимает особое место в системе мер уголовно-процессуального принуждения в отечественном уголовном процессе. Особенность задержания лица заключается в одновременном наличии противоречащих друг другу ценностей, которые во «взаимодействии» друг с другом и обуславливают необходимость существования данного института. Так, во-первых, задержанию подвергается лицо, причастность которого к совершённому преступлению только обоснованно предполагается, но не является доказанной с соблюдением тех требований и стандартов, которые современный уголовный процесс предъявляет к факту доказывания вины лица в совершённом преступлении.

Однако, существует необходимость такого задержания, поскольку, зачастую на начальном и последующем этапах расследования преступлений, собрать достаточное количество относимых, достоверных и допустимых доказательств совершения лицом преступления, ещё невозможно в силу объективных причин. В связи с этим, возникает необходимость временного, обоснованного ограничения свободы лица, которое только подозревается в совершении конкретного преступления для того, чтобы у стороны обвинения было время проверить его причастность к преступлению, получить доказательства, подтверждающие или опровергающие такую причастность.

В связи с этим, законодатель установил довольно непродолжительные сроки такого ограничения свободы – не более 48 часов, что предъявляет довольно высокие требования к качеству и эффективности действия следователя, дознавателя, сотрудников органа дознания, на этапе выявления подозреваемого и проверки обоснованности таких подозрений. При этом, учитывая, что во многом наличие подозрения в отношении лица на данном этапе связано с предположением, хоть и обоснованным, возникает необходимость установления, сбалансированного и качественного правового

регулирующей соответствующей процедуры, которая бы исключала возможность допущения ошибки и предполагала бы действенный механизм незамедлительного прекращения соответствующей меры принуждения в случае, если будет установлено отсутствие законных оснований для задержания лица.

Несмотря на то, что нормы, предусматривающие порядок и основания задержания подозреваемого в отечественном уголовном процессе в их нынешнем виде, существуют практически два десятилетия, вопрос их совершенствования продолжает оставаться актуальным.

Степень научной разработанности темы исследования находится на высоком уровне. В уголовно-процессуальной науке, институт задержания, а также проблемные и спорные вопросы, которые возникают в процессе его реализации, постоянно являются предметом научных исследований. Среди учёных, которые посвятили свои диссертационные исследования теме настоящей работы можно выделить следующих: Е.С. Березина, Н.В. Бушная, С.И. Вершинина, Д.Р. Исеев, М.Э. Исламов, Ю.Ю. Ксендзов, В.Ю. Мельников, Е.В. Манджиева, А.В. Ольшевский, И.А. Одинаев, А.В. Павлов, Н.В. Попков, И.С. Тройнина, Э.З. Тешебаев, О.И. Цоколова, И. Юань и других.

В трудах перечисленных учёных вопросы задержания рассматривались как в аспекте системы мер принуждения существующей в действующем УПК РФ, в том числе устанавливалось место задержания в системе мер принуждения. Кроме того, в исследованиях, предметно посвящённых вопросам задержания, высказываются предложения по совершенствованию действующего правового регулирования задержания в УПК РФ.

Объектом исследования в настоящем исследовании выступают общественные отношения, связанные с задержанием лица подозреваемого в совершении преступления.

В свою очередь, к предмету исследования относятся нормы права, которые регулируют общественные отношения, составляющие объект исследования. Такие нормы, прежде всего, содержатся в Конституции

Российской Федерации 13.12.1993 года, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, в Уголовном кодексе Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, а также в других федеральных законах, принятых в целях внесения изменений в перечисленные нормативные правовые акты.

Целью настоящего исследования является комплексное изучение уголовно-процессуального института задержания в целях дальнейшего совершенствования его нормативных и доктринальных основ.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- охарактеризовать задержание в качестве меры уголовно-процессуального принуждения;
- определить понятие оснований задержания подозреваемого в совершении преступления и их виды;
- установить мотивы и цели задержания подозреваемого;
- рассмотреть особенности соотношения фактического и процессуального задержания;
- проанализировать порядок процессуального оформления и исчисление сроков задержания подозреваемого;
- исследовать порядок, основания и процессуальные последствия освобождения задержанного.

Для проведения исследования, была использована совокупность методов научного познания, такие как методы диалектики, статистический, социологический методы, методы анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному. Кроме того, использовались методы юридической науки, такие как формально-правовой, сравнительной правовой и историко-правовой методы.

Нормативную основу исследования составили Конституция РФ, УПК РФ, УК РФ, федеральные законы о внесении изменений в УПК РФ, которые

связаны с вопросами задержания лица подозреваемого в совершении преступления.

Теоретическую основу исследования составили труды следующих учёных, как Е.С. Березина, Н.В. Бушная, С.И. Вершинина, Д.Р. Исеев, М.Э. Исламов, Ю.Ю. Ксендзов, В.Ю. Мельников, Е.В. Манджиева, А.В. Ольшевский, И.А. Одинаев, А.В. Павлов, Н.В. Попков, И.С. Тройнина, Э.З. Тешебаев, О.И. Цоколова, И. Юань и других.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и задачами и состоит из введения, основной части, заключения, а также списка используемой литературы и используемых источников. В свою очередь, основная часть исследования состоит из двух глав, первая из которых посвящена общей характеристике задержания как меры уголовно-процессуального принуждения, определению и характеристике оснований для задержания, а также его мотивов и целей. Вторая глава работы посвящена решению проблемы соотношения фактического и процессуального задержания, процессуальному порядку его оформления и исчисления сроков, а также вопросам освобождения задержанного.

Глава 1 Понятие и основания задержания подозреваемого в совершении преступления

1.1 Задержание – как мера уголовно-процессуального принуждения

Отметим, что задержание лица по подозрению в совершении преступления является не только уголовно-процессуальной, но и конституционной категорией. Так, согласно ч. 1 ст. 22 Конституции РФ, «каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность» [19]. Право на свободу и личную неприкосновенность является универсальным правом, которое принадлежит каждому кто находится на территории Российской Федерации. Данное право может быть ограничено только в исключительных случаях по основаниям, предусмотренным в самой Конституции РФ или в федеральном законе. В связи с этим, предусмотрена ч. 2 ст. 22 Конституции РФ, согласно которой «арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов» [19].

Таким образом, задержание лица является единственной предусмотренной Конституцией и УПК РФ мерой принуждения, которая допускается, без обязательного предварительного получения санкции суда на её применение. В связи с этим, задержание, можно охарактеризовать и как исключение из общего правила судебного порядка применения подобных мер принуждения (связанных с временным ограничением основополагающих прав и свобод граждан).

Далее отметим, что УПК РФ содержит законодательное легальное определение задержания подозреваемого, согласно которого оно представлено как «мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления» [41]. В первую очередь, обращает на себя внимание срок задержания, который,

как и указано в Конституции РФ, не может превышать 48 часов. Во-вторых, это ограниченный субъектный состав должностных лиц, которые могут принимать решение о задержании лица. Также обращает на себя внимание и то, что в силу буквального понимания процитированной нормы, задержание может иметь место только в связи с подозрением лица в совершении преступления. Однако, как представляется, это не так, поскольку ч. 3 ст. 210 УПК РФ позволяет задерживать в порядке ст. 91 УПК РФ обвиняемого, который скрывался от следствия. Кроме того, задержание может быть применено и к лицу, в отношении которого в суд направлено ходатайство об избрании меры пресечения связанной с заключением под стражу. Более детально данные вопросы будут рассмотрены в следующем разделе.

Для целей настоящего раздела, отметим, что в силу п. 11 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, задержание отнесено именно к мерам уголовно-процессуального принуждения. В связи с этим, далее обратимся к вопросу характеристики задержания именно в качестве меры уголовно-процессуального принуждения.

Анализ научных источников показывает, что доктринальные воззрения относительно понимания меры уголовно-процессуального принуждения различны. Рассмотрим некоторые из них.

В первую очередь уголовно-процессуальное принуждение ассоциируется с принуждением государственным, т.е. исходящим от государства и обеспечиваемым им. Так, С.И. Вершинина в исследовании, посвящённом мерам государственного принуждения в уголовном процессе, определяет последнее в качестве «обособленной, относительно самостоятельной совокупности норм уголовно-процессуального права, посредством которых осуществляется принудительное воздействие на участников процесса в целях исполнения возложенных на них процессуальных обязанностей и обеспечения надлежащего выполнения задач уголовного судопроизводства» [5, с. 9]. Иными словами, в предложенном варианте государственное принуждение характеризуется как совокупность правовых норм, относящихся к уголовному процессу, реализация которых

оказывает такое регулирующее воздействие, которое принуждает вне зависимости от желания такого лица выполнять или не выполнять возложенные на него обязанности, действовать определённым образом, или воздержаться от определённых действий.

Институт мер государственного принуждения в уголовном судопроизводстве, исходя из предложенного варианта его понимания, имеет определённые цели (призван выполнять определённые функции), к которым С.И. Вершинина относит выполнение участниками уголовного судопроизводства обязанностей и обеспечение иного надлежащего выполнения задач уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что категория «задачи уголовного судопроизводства» нормативно не определена. Анализ доктринальных источников показывает, что она хоть и детерминирована категорией назначения и целей уголовного судопроизводства, но не совпадает с ними. Так, согласно позиции К.А. Наумова, «задачи, несмотря на их неопределенность с точки зрения правового регулирования, детерминированы целью и обобщенно составляют устоявшуюся формулу: быстрое и полное раскрытие преступления, назначение справедливого наказания, восстановление прав потерпевшего, воспитание и профилактика» [26, с. 368]. Не вдаваясь в подробную дискуссию относительно содержания категории «задачи» уголовного судопроизводства, отметим, что они обусловлены (детерминированы целями уголовного судопроизводства). Исходя из этого, допустимо сделать вывод о том, что всё «принудительное», что содержится в уголовном судопроизводстве и применение которого будет способствовать достижению задач уголовного судопроизводства (а «через них» и целям уголовного судопроизводства), должно признаваться мерами государственного принуждения.

Обозначенный подход к пониманию мер уголовно-процессуального принуждения условно можно охарактеризовать как «широкий» подход к их пониманию.

Однако необходимо констатировать, что возможность применения «широкого» подхода к пониманию мер принуждения не исключается в отечественной науке. Например, Ш.М. Магомедов в диссертационном исследовании, посвящённом вопросам применения мер уголовно-процессуального принуждения, указывает, что «если подходить к пониманию определения «мера принуждения» шире, то можно констатировать, что указанный термин подразумевает любое действие следователя, дознавателя или судьи, которое воздействует не только на сознание, но и на волю участника процессуального правоотношения. Таким образом, практически все действия, имеющие элемент обязывания и, обеспеченные принудительной силой, можно признать мерой принуждения. По такой логике принуждение применяется при проведении отдельных следственных действий и проявляется в удалении нарушителя порядка из зала судебного заседания и др. Другой вопрос, что указанные принудительные действия имеют различный характер, цель, механизм и субъект применения» [25, с. 21]. Действительно, необходимо констатировать, что многие следственные и процессуальные действия при расследовании уголовного дела содержат в себе элемент «принуждения». Однако элемент принуждения и мера принуждения является различными по своей правовой природе категориями. «Элемент» принуждения в следственном или процессуальном действии заключается в том, что проведение следственных и процессуальных действий, как одна из форм реализации государственно-властных полномочий должностными лицами, обеспечивается, в том числе, и мерами юридической ответственности, возможностью применения мер физического воздействия в целях обеспечения их надлежащего проведения и т.п. Кроме того, необходимо и понимать всю спорность и неоднозначность термина «принуждение», поскольку последнее может выступать и в форме принуждения психологического.

При этом, даже если отождествлять следственные действия и меры, прямо отнесённые УПК РФ к мерам принуждения, то в части их существа, достигаемых целей и решаемых задач, будет иметь место кардинальное

различие, которые подробной будут рассмотрены в параграфе, посвящённом вопросам установления мотивов и целей задержания.

В попытке определить существо мер уголовно-процессуального принуждения, обратимся к их признакам. Н.В. Бушная выделила следующие признаки уголовно-процессуальных мер принуждения: «применяются при производстве по уголовному делу и носят процессуальный характер; применяются компетентными органами государства в пределах их полномочий к участвующим в деле лицам, ненадлежащее поведение которых или возможность такого поведения создает или может создать препятствия для уголовного судопроизводства; имеют конкретные цели, вытекающие из общих задач судопроизводства; применяются при наличии предусмотренных законом оснований, условий и в порядке, гарантирующем их законность и обоснованность; имеют особое содержание и характер» [3, с. 11].

Анализируя предлагаемые Н.В. Бушной признаки мер уголовно-процессуального принуждения, отметим их спорность. Так часть указанных признаков характерны как для следственных, так и для иных процессуальных действий, фактически всех участников процесса, относимых к стороне обвинения, а также суда. Например, речь идёт о тех признаках, которые связаны с наличием уголовного дела как обязательного условия применения мер принуждения, наличие соответствующего субъекта, который уполномочен их применять, наличие специфических целей и задач, порядка применения. Фактически эти признаки характерны для большинства действий совершаемых в рамках УПК РФ и не могут быть определены в качестве сущностных признаков задержания как меры уголовно-процессуального принуждения. Что касается признака обеспечения надлежащего поведения лица как цели и мотивов применения меры, то последнее не вполне подходит для характеристики задержания, поскольку в законе отсутствует обязанность лица, совершившего преступление, добровольно явиться в орган, осуществляющий предварительное расследование и дать возможность проверить свою причастность к совершённом преступлению. Если такая

обязанность отсутствует, то об обеспечении какого поведения подозреваемого может идти речь?

Также Н.В. Бушная определяет меру уголовно-процессуального принуждения в качестве средств «принудительного и пресекающего характера, применяемые уполномоченными на то государственными органами и должностными лицами в отношении участников уголовного судопроизводства, при наличии оснований и в порядке, установленном законом, для предупреждения и пресечения правонарушений этих лиц, для обеспечения выполнения задач уголовного судопроизводства» [25, с. 11]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в качестве цели применения меры принуждения указывается – решение задач уголовного судопроизводства. Необходимо отметить, что вся уголовно-процессуальная форма в целом направлена на решение задач уголовного судопроизводства. При этом каждый институт уголовного процесса призван решать свои одновременно автономные и взаимосвязанные задачи, то есть имеет свои собственные «локальные» цели, реализация которых будет способствовать достижению «общепроцессуальных» целей.

Интересно обратить внимание на отдельные примеры из зарубежного опыта регулирования мер государственного принуждения в уголовном процессуальном праве. Например, в Китайской Народной Республике под мерой принуждения понимают «предусмотренные УПК КНР средства ограничения личной свободы и других прав и законных интересов подозреваемого и обвиняемого на определенный срок, которые применяются органом общественной безопасности, народной прокуратурой, народным судом для обеспечения проведения уголовного судопроизводства. Понятие меры процессуального принуждения по УПК КНР отличается от определения меры процессуального принуждения по УПК РФ тем, что не применяется в отношении потерпевшего и свидетеля, и других участников уголовного процесса» [52, с. 14]. Если обратиться к конкретным видам мер принуждения, то существуют следующие: привод, передача под поручительство до

судебного разбирательства и наблюдение по месту жительства, а также задержание, заключение под стражу [52, с. 11-12]. Иными словами, в целом меры государственного принуждения в уголовном процессе Китая понимаются сходным образом.

Что касается воззрений относительно видов государственного принуждения в уголовном судопроизводстве и их систематизации, то, например, И.В. Вершинина предлагает разделить их на те, которые применяются в отношении подозреваемых, обвиняемых и осуждённых и те, которые применяются к остальным участникам судопроизводства. Таким образом, предлагается использовать критерий объекта государственно-принудительного воздействия. Соответствующим образом предлагается и определить структуру обновлённого раздела IV УПК РФ [5, с. 9].

Далее перейдём к непосредственной характеристике задержания как меры государственного принуждения. Например, С.И. Вершинина определяет задержание как «кратковременное, до 48 часов, ограничение свободы лица, осуществляемое органом дознания, дознавателем, следователем в отношении подозреваемого, обвиняемого в целях:

предупреждения его сокрытия и создания условий для установления его личности и/ или решения вопроса о применении к нему меры пресечения, если подозреваемый, обвиняемый при его доставлении оказывал сопротивление и/ или пытался скрыться от сотрудников полиции, не имеет постоянного места жительства либо его личность не установлена; обеспечения участия подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании, рассматривающем ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, если имеются основания для его заключения под стражу» [5, с. 10].

Д.Р. Исеев указывает на двойственную природу задержания, которое «имеет своей целью наложение ряда ограничений на лицо, связанных со свободой передвижения. Хотя при этом часто происходит одновременно и фиксация доказательств. Деление между следственным действием и принудительными мерами должно исходить из целей этих мер, а не из их

результата. Полагаем, что задержание является мерой принуждения, а не следственным действием, т.к. при его реализации в первую очередь достигаются цели мер принуждения» [10, с. 12].

В подведение итогов отметим, что несмотря на то, что задержание относится к мерам принуждения, последнее занимает в системе мер государственного уголовно-процессуального принуждения особое место. Задержание это мера принуждения, которая заключается во временном краткосрочном ограничении свободы лица подозреваемого в совершении преступления, без санкции суда и имеет своей целью, среди прочих, создание условий необходимых для проверки лица подозреваемого в совершении преступления на предмет обоснованности таких подозрений, пресечения противоправного поведения лица, а также разрешение вопроса о наиболее обоснованной мере пресечения, которая подлежит применению к подозреваемому в дальнейшем.

Задержание как бы предоставляет подозреваемого «в распоряжение» следователя, дознавателя, работника органа дознания, ограничивает возможность коммуникации последнего с «внешним миром», возможность скрыться, уничтожить следы преступления или иным образом воспрепятствовать, противодействовать расследованию преступления [34]. В этом аспекте, у следователя или дознавателя появляется возможность проведения следственных и процессуальных действия с подозреваемым в наиболее удобный для него тактически момент (с учётом правил и ограничений, установленных в УПК РФ). При этом, учитывая, что применение задержания связано с ограничением одного из основополагающих конституционных прав гражданина, а именно право на свободу и личную неприкосновенность, свободный выбор места пребывания, сроки применения задержания ограничены.

1.2 Понятие оснований задержания подозреваемого в совершении преступления и их виды

Обратим внимание на основания задержания подозреваемого, которые предусмотрены в ст. 91 УПК РФ.

Так, согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ, «орган дознания, дознаватель, следователь вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы» [41] а также при наличии одного из следующих оснований (будут рассмотрены далее).

Анализ процитированной нормы показывает, что перечень субъектов, которым предоставлено право осуществлять задержание, ограничен и не предполагает под собой какое-либо расширительное толкование. В первую очередь, это следователь и дознаватель, то есть лица, осуществляющие расследование (дознание) по уголовному делу являющимися на этом этапе основным представителями стороны обвинения в рамках конкретного уголовного дела. Во-вторых-это орган дознания, на которого возложены полномочия по осуществлению розыскных и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на раскрытие преступления как самостоятельно, так и выполняя поручение следователя или дознавателя. Особенность органа дознания заключается в том, что подобного характера решения должны приниматься его руководителем.

Тут же возникает вопрос о том, могут ли подозреваемые быть задержаны не только следователем или дознавателем, но и их руководителями? Например, руководителем следственного органа, руководителем подразделения дознания. Если толковать ч. 1 ст. 91 УПК РФ буквально, то ответ на этот вопрос отрицательный, поскольку в УПК РФ много случаев, когда в нормах, предоставляющих стороне обвинения определённое полномочие, должности руководителей следственного органа подразделений дознания и органа дознания указываются наряду со следователями и

дознателями. В рассматриваемом случае, формируя перечень должностных лиц, которые имеют право принимать решение о задержании подозреваемого, законодатель не включил в данный перечень «руководящий состав».

С другой стороны, необходимо указать на полномочия руководителя следственного органа, предусмотренные ст. 39 УПК РФ, согласно которой руководитель следственного органа наделён правом давать обязательные для исполнения следователю письменные указания. Среди таких указаний может быть и указание о задержании определённого лица в качестве подозреваемого. Кроме того, согласно ч. 2 ст. 39 УПК РФ руководитель следственного органа наделён полномочием самостоятельно возбудить уголовное дело и провести по нему предварительное следствие пользуясь при этом всеми правами и обязанностями следователя.

Если же проанализировать положения ст.ст. 40.1 и 40.2 УПК РФ, то начальник дознания наделён полномочиями по даче дознавателю обязательные для исполнения указания и самостоятельно производить дознания (возбудить уголовное дело и принять его к производству, проведя дознание), а начальник органа дознания обладает только полномочий в части вынесения обязательных для исполнения указаний.

Таким образом, руководитель следственного органа и руководитель подразделения дознания наделены полномочиями по задержанию лица только в том случае, если они производят дознание самостоятельно, они не наделены таким правом в случае, если производство по делу осуществляется следователем или дознавателем. В этом случае они имеют право давать обязательные для исполнения указания о задержании конкретного лица по подозрению в совершении преступления. Аналогичное полномочие предоставлено и руководителю органа дознания как по отношению к работникам органа дознания, так и по отношению к штатным дознавателям в отношениях, с которыми он выступает в качестве начальника подразделения дознания (наделён его статусом). Следователь и дознаватель могут не согласиться с такими указаниями и подать на них письменные возражения,

однако это не отменяет необходимости их выполнения. Что касается других участников процесса со стороны обвинения, то, например, прокурор не имеет возможности самостоятельно задерживать лицо по подозрению в совершении преступления или давать обязательные по этому поводу указания. Кроме того, как представляется, не может быть отнесён и к субъектам, принимающим решение о задержании, суд, который в установленном порядке, при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения наделён право продлить срок задержания подозреваемого лица.

Отметим, что необходимо различать категории основания и условия уголовно-процессуального задержания. Условия можно охарактеризовать как соответствие задержанного и преступления, в котором он подозревается определённым в законе критериям, которые, при наличии предусмотренных оснований, делают возможным и даже обязательным, задержание лица по подозрению в совершении преступления. Так, например, в ч. 1 ст. 91 УПК РФ, отметим, что в нём указаны такие условия для задержания лица по подозрению в совершении преступления как то, что за совершения преступления, в совершении которого оно подозревается, может быть назначено наказание в виде лишения свободы сроком не менее одного года.

Кроме того, необходимо понимать, что сама возможность для задержания связана с наличием подозрения в отношении конкретного лица, это положение означает, что задержание может применяться только к подозреваемым в совершении преступлений, т.е. задерживаемый должен иметь статус подозреваемого. Но не каждый подозреваемый подлежит задержанию, а только тот, в отношении которого возникло основание, перечисленное в ч.1 ст.91 УПК РФ о том, что это лицо могло совершить конкретное преступление и, исходя из буквального толкования содержания данной нормы, это подозрение в обязательном порядке должно быть основано хотя бы на одном из следующих оснований: «когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее

преступление; когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления» [41].

Исходя из этого, допустимо предположить, что основания для подозрения в отношении конкретного лица, могут быть различными, в том числе и теми, которые не поименованы в качестве оснований для задержания лица, при, наличии хотя бы одного из предусмотренных в законодательстве оснований. В данном случае имеется в виду, прежде всего, ч. 1 ст. 46 УПК РФ, которая предусматривает момент обретения лицом статуса подозреваемого в уголовном судопроизводстве. Например, лицо считается подозреваемым с момента возбуждения в отношении него уголовного дела. В свою очередь, соответствующее решение оформляется в форме постановления о возбуждении уголовного дела и уголовного преследования в отношении конкретного лица, в описательно-мотивировочной части которого должны быть изложены, установленные на момент рассмотрения сообщения о преступлении фактические обстоятельства, дающие основания подозревать в совершении преступления такое лицо. Такие основания для подозрения, могут существенно отличаться от тех оснований, которые имеют значение для задержания подозреваемого.

Должны ли такие основания для подозрения (непоименованные) учитываться при принятии соответствующего решения? Представляется, что да, однако, при условии, что наряду с ними установлено и одно из оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 91 УПК РФ. В обоснование данного утверждения также укажем, что процесс расследования уголовного дела по своей сущности является процессом познания события преступления и для его результативности имеют значение не только минимально предусмотренные основания для возникновения подозрения в отношении лица, но и любые другие, не противоречащие закону основания, которые указывают на причастность лица к совершённого преступлению.

Рассмотрим перечисленные в п.п. 1-3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ основания для задержания подробнее. Отметим, что в отечественном уголовном процессе до

настоящего момента отсутствуют устоявшиеся критерии правоприменения соответствующих положений, которые были бы сформированы на уровне Пленума ВС РФ.

Анализ положений существующих постановлений Пленумов ВС РФ указывающих на правильное понимание и применении норм уголовно-процессуального права, показывает, что последние частично упоминаются, например, в Постановлении Пленума ВС РФ посвящённым вопросам заключения под стражу, домашнего ареста и залога в аспекте того, что для проверки обоснованности подозрения лица в совершении преступления при решении вопроса о избрании заключения под стражу или домашнего ареста, судам рекомендуется проверять наличие оснований для подозрения лица в совершении преступлений предусмотренных ст. 91 УПК РФ и соблюдения порядка его задержания предусмотренного ст. 92 УПК РФ [29].

Представляется, что учитывая значимость и важность уголовно процессуального института задержания лица по подозрению в совершении преступления, и многолетний опыт применения данной нормы, назрела необходимость принятия отдельного Постановления Пленума ВС РФ по вопросам правильности применения норм, предусматривающих основания и порядок задержания лица по подозрению в совершении преступлений в котором должны найти своё разрешение множество возникающих в процессе применения соответствующих норм, вопросов. Например, с учётом целей и задач уголовного судопроизводства и мер процессуального принуждения, должны быть определены цели и задачи задержания лица по подозрению в совершении преступления. Важным для целей правоприменительной практики является определение временного промежутка и (или) обстоятельств «застыжения лица при совершении преступления, а также непосредственно после его совершения» и т.п.

Согласно ч. 1 ст. 91 УПК РФ, одним из оснований для задержания лица по подозрению в совершении преступления является следующее: «когда

это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения» [41].

При применении данного основания необходимо правильно понимать и толковать такие термины как «застигнутое при совершении преступления» и термин «непосредственно после его совершения». Буквальное толкование данных термином обязывает нас обратиться к соответствующим положениям отечественного уголовного законодательства, судебной практики и правовой доктрины относительно момента совершения преступления и момента его окончания.

Так, согласно ч. 1 ст. 29 Уголовного кодекса РФ, «преступление считается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом». Исходя из этого, неоконченным преступлением будет считаться то преступление, при котором действия /бездействия, составляющие преступное деяние ещё, не достигли своей цели, в связи с чем, все признаки состава преступления, отсутствуют. Однако применения данного исключительно уголовно-правового подхода к применению рассматриваемого основания для задержания лица представляются затруднительным и не вполне корректным. Во-первых, в момент задержания лица и в момент принятия решения о необходимости его задержания, у следователя или дознавателя по объективным причинам могут отсутствовать все необходимые сведения, в т.ч. полученные из надлежащих источников, на основании которых можно будет судить о том, на какой стадии преступления (оконченное или неоконченное), был «застигнут» подозреваемый.

Рассматриваемое основание в большей степени применимо для тех видов преступлений, которые совершаются при непосредственном участии подозреваемого. «Классическим» вариантом тут будет выступать, например, открытое завладение чужим имуществом, попытка тайного хищения чужого имущества, умышленное нарушение правил дорожного движения повлекшее причинение вреда жизни и здоровью человека, умышленное причинение вреда

здоровью человека и прочие подобные действия. В таком случае важное практическое значение приобретает квалификация действий подозреваемого и обстановки совершения преступления для того, чтобы верно определить какое именно основание для задержания лица необходимо использовать.

Кроме того, необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что лицо должно быть именно «застигнуто». К тем лицам, которые могут «застигнуть» другое лицо при совершении преступления, или непосредственно после его совершения могут относиться как потерпевший, случайные очевидцы, так и сотрудники правоохранительных органов (находящиеся или не находящиеся при исполнении своих служебных обязанностей). В последнем случае, в силу прямого указания закона, например, сотрудник полиции, став случайным очевидцем совершаемого преступления, даже не находясь при исполнении своих служебных обязанностей, уже должен предпринять меры к физическому задержанию лица, совершающего действия. Кроме того, данное обстоятельство предполагает под собой наличие непосредственного физического или визуального (зрительного) контакта между подозреваемым и тем, кто его застиг. То, что подозреваемый был затиснут при совершении или непосредственно после совершения преступления, не обязательно означает, что он был задержан физически.

Отметим, что в отечественной науке высказываются мнения о необходимости совершенствования п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Так, например, А.Г. Маркелов и В.Н. Кошкин в совместной публикации отмечают, что «под непосредственным «застижением» подозреваемого лица, после совершения таким лицом преступления, следует считать не только время окончания преступления, но и фактические случаи, когда это подозреваемое лицо определенное время преследовался сотрудниками правоохранительных органов. Самое главное, чтобы он постоянно находился в поле зрения сотрудников правоохранительного органа, т.е. в данном случае не прерывался визуальный контакт с лицом. В противном случае как такового основания для

задержания лица по данной статье не будет, поскольку не исключена ошибка в задержании подозреваемого» [20, с. 62-63]. С таким утверждением необходимо согласиться. При этом, «поле зрения» в котором должен находиться подозреваемый необходимо понимать не буквально, а в целом, оценивать обстановку и развитие событий преследования лица, совершившего преступление в ходе которых с достоверностью можно утверждать о том, что был фактически задержан именно тот, кого перед этим застигли при совершении преступления.

В связи с этим, высказывается также мнение о том, что в случае наличие значительного временного разрыва в фактическом задержании лица и его «застижении» при совершении преступления, то такой временной разрыв подлежит оценки на предмет его продолжительности и значительности, а также на предмет того, каким образом, он мог повлиять на возможную ошибку лица [11, с. 449-450]. В связи с этим, одно из предложений по совершенствованию основания для задержания лица предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ выглядит следующим образом: «считаем необходимым включить в п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ дополнения, а именно изложить данную норму в следующей редакции: «1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, находясь в поле зрения органов дознания» [20, с. 66].

Однако несмотря на здравую мысль о необходимости оценивания истинности утверждения сотрудника правоохранительных органов или иных очевидцев, застигнувших лицо при совершении преступления о том, что именно это лицо и было фактически задержано, изменение нормы на соответствующую формулировку может привести к её неправильному пониманию в ходе применения. Термин «поле зрения» непосредственно связан с визуальным восприятием одного лица другого. Иными словами, если в процессе преследования лица, последнее скроется «за углом» здания и определённый промежуток времени будет пребывать вне поля зрения преследующего его лица, то, при буквальном понимании нормы в

предлагаемой редакции, основания для задержания лица по п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, будут отсутствовать. В связи с этим предлагается несколько иная редакция обозначенной нормы, а именно:

«когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, при наличии обстоятельств, которые исключают ошибку в фактическом задержании такого лица».

При этом возникает вопрос о том, кто и когда должен принимать решение об отсутствии ошибки. Представляется, что такая оценка должна происходить способом установления фактических обстоятельств задержания подозреваемого, например, способом допроса сотрудников правоохранительных органов осуществивший фактическое задержание лица, в т.ч. его преследование после застижения при совершении или непосредственно после совершения преступления, а также посредством других следственных и процессуальных действий.

Применение подобной формулировки позволит ориентировать правоприменителя на выполнение главного требования закона в данном случае. Данное требование заключается в том, что «застижение» лица в процессе совершения преступления или непосредственно после его «застижения» связано с его задержанием в результате событий, обусловленных такими обстоятельствами [21, с. 449].

Также необходимо обратить внимание на то, что рассматриваемое основание, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ тесно взаимосвязано и, часто применяется, в совокупности с основанием, предусмотренным в п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, которое заключается в том, что «потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление» [41]. Взаимосвязь между двумя обозначенными основаниями заключается в том, что, нередко, на лицо, застигнутое при совершении преступления, указывают очевидцы или сотрудники правоохранительных органов, которые его там «застигли». В таком случае, если очевидцы или сотрудники правоохранительных органов не осведомлены о личности подозреваемого, как правило, проводится

следственное действие предъявление лица для опознания, в ходе которого очевидцы (потерпевший, свидетели, в т.ч. сотрудники правоохранительных органов, застигнувшие лицо) указывают на такое лицо, как на лицо совершившее преступление.

В таких случаях, у следователя или дознавателя одновременно возникают два основания для задержания лица по подозрению в совершении преступления, которые «возникают» из одного обстоятельства: подозреваемый был застигнут при совершении преступления, или непосредственно после его совершения. Эти же лица, которые его застигли, также, указывают на такое лицо, как на лицо, совершившее преступление.

В отдельных случаях основание для задержания, предусмотренное п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ может быть использовано «самостоятельно». Как правило, это те случаи, когда потерпевший или иной очевидец прямо у указывает на лицо, о личности которого он достоверно осведомлён как на лицо, совершившее преступление. При этом осведомлённость о лице, совершившем преступление должна исходить из непосредственного визуального или другого восприятия потерпевшим или другим очевидцем, непосредственных преступных действий такого лица. Простой уверенности очевидца в том, что тот или иной гражданин совершил преступление, или осведомлённость об этом из другого источника (со слов других лиц) не могут быть использованы в качестве оснований для задержания. В случае, если информация о совершении преступления конкретным лицом имеется у потерпевшего или другого свидетеля со слов других лиц, которые непосредственно были очевидцами совершения преступления, то такие очевидцы должны быть установлены и допрошены в качестве свидетелей. Только после этого, возникнут основания для задержания лица по подозрению в совершении преступления, предусмотренные п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ.

Кроме того, в практике нередки случаи, когда в результате производимых следственных действий, розыскных и оперативно-розыскных мероприятиях, устанавливается лицо потенциально причастное к совершению

преступления. В случае, если потерпевший или другие очевидцы непосредственно визуально воспринимали преступника в момент совершения преступления или непосредственное после его окончания и могут опознать последнего по определённым признакам, должно быть произведено следственное действие предъявление лица для опознания.

Если предварительные предположения подтвердятся, и очевидец преступления укажет на лицо, то в отношении последнего возникнут основания для его задержания по подозрению в совершении преступления. Интересно отметить, что, исходя из буквального понимания УПК РФ, какие-либо специальные требования относительно уголовно-процессуального статуса лица, предъявляемого для опознания, отсутствуют. Он может пребывать как в статусе свидетеля, так и в статусе подозреваемого, так и вообще находится вне статуса (УПК РФ обозначает его как лицо, предъявляемое для опознания). При этом если такое лицо после опознания обретает статус подозреваемого и изначально «приглашается», «привлекается» для участия в опознании как «потенциальный» подозреваемый, то, по смыслу уголовно-процессуального закона, последнему должны быть обеспечены все права, которые принадлежат подозреваемому, в том числе право на защиту, право на отказ от дачи показаний (любые пояснения его как опознанного лица) и т.п.

В связи с этим, в вопросе проведения опознания лица, не наделённого статусами свидетеля или подозреваемого, важно соблюсти требования и гарантии прав и свобод человека, предусмотренные как Конституцией РФ, так и УПК РФ. В противном случае, в последующем в ходе судебного контроля или прокурорского надзора за законностью оснований для задержания, результаты следственного действия могут быть признаны недопустимыми доказательствами [36, с. 9-10].

Далее обратимся к такому основанию, как обнаружение на подозреваемом, при нём, на его одежде или в жилище явных следов преступления (п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ). При этом, отметим, что УПК РФ не

содержит законодательного определения термина «следы преступления». В свою очередь, привязка следов преступления к физическому телу, одежде, которую носит подозреваемый, к его жилищу, говорит о том, что такие следы должны носить материальный характер. В связи с этим, применяемый в УПК РФ термин «следы преступления» в большей степени ассоциируется с возможностью их изъятия (изъятия их образцов или частей) в качестве вещественных доказательств. Кроме этого, следами преступления могут быть физическое состояние тела подозреваемого (наличие на нём следов борьбы, ссадин, царапин, иных повреждений), физико-химические следы на теле и одежде преступника (следы пороха от выстрела, следы наркотических средств или их компонентов, следы отравляющих веществ и т.п.).

При этом, представляется, что ограничивать содержания термина «следы» преступления в аспекте п. 3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ только следами материального характера будет неправильным, поскольку это существенно ограничивает потенциал данного основания для познания преступления. С другой стороны, выявление следов преступления всё-таки имеет свои границы, которые устанавливаются пределами возможностей человеческого опознания, уровнем достижений современной науки и техники.

Существуют области знаний и применения специальных средств, которые в настоящий момент не обрели достаточного авторитета для того, чтобы признаваться такими, которые с достоверностью фиксируют наличие следов преступления и связывают их с определённой личностью. Например, речь идёт о следах запаха человека и о способах их выявления. Не смотря на то, что служебные собаки в деятельности розыскных и следственных органов применяются уже не одно десятилетие и в направлении одорологии существует множество исследований, данная методика фиксации и выявления запаховых следов человека до настоящего времени не обрела статус «надёжной» и «достоверной», а, следовательно, вероятностное совпадение запаховых следов с места совершения преступления (на вещах, найденных на месте совершения преступления) и определённого человека (его вещей) может

быть использовано в качестве иного основания для подозрения лица в совершении преступления, наряду с предусмотренными в п.п. 1-3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ.

Далее отметим, что УПК РФ предусматривает возможность задержания лица по подозрению в совершении преступления также и по иным, кроме перечисленных в п.п. 1-3 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, основаниям. Об этом говорится в ч. 2 ст. 91 УПК РФ, согласно которой, «при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора, в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу» [41].

Обращает на себя внимание указание на иные основание для подозрения лица в совершении преступления. Это указывает на сделанный выше вывод о том, что основанием для обретения лицом статуса подозреваемого могут быть любые фактические обстоятельства, установленные следователем, дознавателем, органом дознания и которые свидетельствуют о том, что конкретное лицо могло совершить определённое преступление. Данные сведения, как представляется, должны быть исключительно в форме уголовно-процессуальных доказательств [50, с. 170-174].

При этом, необходимо соблюдение хотя бы одного из дополнительных условий. Лицо не должно иметь постоянного места жительства, либо такое лицо пыталось скрыться, либо, если следователь в установленном законом порядке обратился с ходатайством об избрании в отношении такого подозреваемого лица меры пресечения. В последнем случае обращает на себя внимание то обстоятельство, что ходатайство можно направить либо в отношении подозреваемого или обвиняемого. То есть лицо уже должно иметь статус подозреваемого до момента принятия решения о его задержании.

Данное утверждение характерно и для задержания по другим основаниям, предусмотренным ст. 91 УПК РФ.

Кроме того, анализ положений ч. 3 ст. 210 УПК РФ, согласно которой «в случае обнаружения обвиняемого он может быть задержан в порядке, установленном главой 12 настоящего Кодекса» [41]. Таким образом, в качестве еще одного основания для задержания лица, необходимо отметить его пребывание в розыске как скрывшегося от дознания, следствия или суда. Кроме того, такое лицо должно обладать статусом обвиняемого. Исходя из этого, можно сделать вывод, во-первых, о том, что в таком случае не может быть задержан подозреваемый (по основанию установления разыскиваемого), во-вторых, такое вид задержания, не связан с подозрением лица в совершении преступления, поскольку такое лицо уже является обвиняемым. Также необходимо добавить, что подозреваемый который пребывал в розыске и местонахождение которого установлено, может быть задержан в связи с тем, что в отношении последнего в суд направлено ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Что касается других субъектов с особым статусом, то, согласно ст. 449 УПК РФ, «член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, судья федерального суда, мировой судья, прокурор, Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудитор Счетной палаты Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, задержанные по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном статьей 91 настоящего Кодекса, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности» [41].

Буквальный анализ положений данной статьи, позволяет сделать несколько выводов. Единственным основанием для задержания лица, наделённого соответствующим статусом, является его физическое задержание непосредственно на месте происшествия, что соответствует основанию для

задержания, изложенному в п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Во всех остальных случаях, такое субъект не может быть задержан, однако в случае, если задержание всё-же будет произведено и статус задержанного будет установлен уже после задержания, то такое лицо должно быть незамедлительно освобождено [5, с. 21-22].

Кроме того, в качестве лица, обладающего иммунитетом от задержания, необходимо указать и на лицо, которое было выдано иностранным государством. Так, согласно ч. 1 ст. 461 УПК РФ, «лицо, выданное иностранным государством, не может быть задержано, привлечено в качестве обвиняемого, осуждено без согласия государства, его выдавшего, а также передано третьему государству за преступление, не указанное в запросе о выдаче» [41].

Применение мер уголовно-процессуального принуждения без возбуждения уголовного дела, представляется существенным нарушением Конституции РФ и уголовно-процессуального закона. Кроме того, необходимость соблюдения данного основания также следует из требования к преступлению, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от одного года и выше. Если уголовное дело не возбуждено к моменту задержания лица, то и отсутствуют правовые основания утверждать о том, что совершённое лицом деяние является преступлением.

Вышесказанное, в совокупности с тем, что существует определённый круг субъектов, которые не могут быть задержаны как фактически, так и процессуально, говорит о необходимости совершенствования правового регулирования оснований для задержания, предусмотренных в ч. 1 ст. 91 УПК РФ. Одним из вариантов решения «проблемы» отсутствия однозначного регулирования условий уголовно-процессуального задержания в УПК РФ, является изложение ч. 1 ст. 91 УПК РФ в следующей редакции:

«1. Орган дознания, дознаватель, следователь по находящемуся в их производстве уголовному делу, вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде

лишения свободы, при условии отсутствия в законодательстве запрета на задержание такого лица, а также при наличии одного из следующих оснований: ...».

В качестве подведения итогов отметим, что та особенность уголовно-процессуального задержания, согласно которой, оно является временным ограничением одного из наиболее существенных прав и свобод человека – права на свободу, на передвижение и выбор места пребывания в условиях, когда причастность лица к совершённомu преступлению характеризуется только как подозрение, обуславливает значимость качественного и сбалансированного правового регулирования оснований применения такой принудительной меры.

В первую очередь, это выразилось в строго ограниченном перечне субъектов со стороны обвинения, которым предоставлено право принимать решение о задержании лица по подозрению в совершении преступления. Никакое другое должностное лицо, в том числе прокурор или судья не наделены полномочиями по задержанию подозреваемого. Исключение составляют только случаи, когда руководитель следственного органа, подразделения дознания и начальник органа дознания выполняя функции начальника подразделения дознания возбуждают уголовное дело, принимают его к своему производству и производят предварительное следствие, дознание в статусе следователя или дознавателя соответственно.

Для задержания лица по подозрению в совершении преступления, необходима определённая в законе совокупность условий и оснований для такого задержания:

- «условие преступления». За преступление, в котором подозревается лицо, должно быть предусмотрено наказание в виде лишения свободы не менее чем на один год (обязательное требование);
- наличие одного из следующих альтернативных оснований подозревать лицо в совершении преступления: когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно

- после его совершения (альтернативное основание); когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление (альтернативное основание); когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления (альтернативное основание).
- наличие иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, при наличии «условия о преступлении» и одного из следующих дополнительных условий: это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу;
  - отсутствие у лица «иммунитета» от уголовно-процессуального задержания. Это, в первую очередь, случаи наличия особого статуса лица, занимающего установленный перечень государственных должностей (ст. 423 УПК РФ) либо лица, выданного иностранным государством (ст. 461 УПК РФ).

1.3 Мотивы и цели задержания подозреваемого

Отметим, что законодательно цели и мотивы задержания подозреваемого не определены.

В связи с этим, обратимся к уголовно-процессуальной науке, представители которой по различному определяют цели задержания. Так, С.И. Вершинина определяет следующие цели задержания:

- предупреждения его сокрытия и создания условий для установления его личности и/ или решения вопроса о применении к нему меры пресечения, если подозреваемый, обвиняемый при его доставлении оказывал сопротивление и/ или пытался скрыться

от сотрудников полиции, не имеет постоянного места жительства либо его личность не установлена;

- обеспечения участия подозреваемого, обвиняемого в судебном заседании, рассматривающем ходатайство о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, если имеются основания для его заключения под стражу» [5, с. 13].

Также отметим, что ранее в Указе Президиума ВС СССР от 13.07.1976 г. № 4203-1X «Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления» [24], такие категории были определены. Многие учёные, например, А.Г. Маркелов оценивают законодательное закрепление целей и мотивов задержания исключительно с положительной точки зрения [20, с. 61-63]. Так, согласно вышеобозначенного Указа Президиума ВС СССР задержание осуществлялось в следующих целях: «1. Выяснения причастности, задержанного к преступлению и 2. Разрешения вопроса о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу» [24].

В целом необходимо отметить, что трактовка цели задержания как выяснение причастности лица к совершённомu преступлению, довольно распространена в отечественной науке. В частности, отмечается, что «чаще всего под задержанием подозреваемого понимают лишь специфическую меру пресечения, а именно: кратковременное лишение свободы с целью создания условий для проверки подозрения» [49, с. 276]. Согласно пп. «с» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав и основных свобод, «законное задержание лица осуществляется с той целью, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда обоснованно считается необходимым предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения» [18].

Кроме того, буквальный анализ положений статей 91, 92 и других положений УПК РФ, позволяет обосновано утверждать, что целью

задержания, среди прочего, является и решения вопроса о том, какую меру пресечения необходимо применить к подозреваемому в дальнейшем, непосредственное пресечение противоправного поведения лица. Отдельные учёные, например, В.Ю. Абрамов в качестве цели задержания, кроме создания условий для проверки обоснованности подозрения, указывают на цель решения вопроса о целесообразности применения заключения под стражу или иной меры пресечения [1, с. 481].

В связи с этим, по своему характеру, целям и задачам, уголовно-процессуальное задержание кардинально отличается от следственных и иных процессуальных действий следователя.

Представляется, что обозначенные выше цели задержания, изложенные в уже утратившим силу Указе Президиума ВС СССР от 13.07.1976 г. № 4203-1X, с учётом того, что последние в своём большинстве продолжают «поддерживаться» представителями современной науки уголовного процесса, должны быть признаны актуальными и для современной концепции задержания как меры пресечения. А, следовательно, вполне могут быть повторно имплементированы в законодательство. В связи с этим ст. 91 УПК РФ предлагается дополнить ч. 2.1 следующего содержания:

«2.1 Целями задержания лица могут являться выяснения его причастности, задержанного к преступлению, а также разрешения вопроса о применении к задержанному меры пресечения в виде заключения под стражу».

П.Л. Сурихин в своё время отмечал, что «нечеткое понимание цели не позволит обеспечить эффективность данной меры, а ее расширительное толкование может повлечь необоснованное ограничение прав и законных интересов граждан» [30, с. 12].

В юридической литературе иногда отмечается двуединство цели, а не две его цели логично предполагаемых из указанной нормы [30, с. 12], [28, с. 69], [13, с. 14] [38, с. 219], [17, с. 113]. Это связано с их неразрывностью применительно к конкретному задержанию.

Однако есть и альтернативный взгляд относительно целей уголовно-процессуального задержания. Например, А.И. Трусов к целям задержания относит «не только выяснение причастности задержанного к преступлению и разрешение вопроса о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, но и выяснение его личности» [39, с. 137]. М.Э. Исламов не соглашается с этим взглядом, «поскольку выяснение личности подозреваемого, является, как правило, составной частью выяснения причастности задержанного к преступлению и в качестве отдельной цели задержания выделять её вряд ли целесообразно» [11, с. 133-137].

По мнению ряда учёных, а именно, А.П. Гуляева, В.С. Чистякова, Д.Д. Максарова, И.Л. Петрухина и В.А. Михайлова, к целям задержания относятся следующие:

- пресечение преступной деятельности подозреваемого, а также предупреждение совершения новых преступлений, если имеются достоверные сведения о подготовке к ним;
- устранение препятствий на пути расследования, которые может создать подозреваемый, находясь на свободе. К ним, в частности, можно отнести следующие действия: уничтожение следов и иных доказательств преступления, сговор со свидетелями, соучастниками, их подкуп или запугивание, искажение, подлог документов и т.п.
- пресечение побега лица, предположительно совершившего преступление» [16, с. 221], [40, с. 291]. [23, с. 47]. [22, с. 55].

По мнению И.А. Веретенникова относительно целей «воспрепятствования подозреваемому продолжать преступную деятельность, скрыться от следствия и суда, помешать установлению истины, то ... их точнее характеризовать как задачи задержания, а сведения о подобных намерениях справедливо и традиционно относятся к мотивам задержания» [13, с. 134].

Существует точка зрения, согласно которой, «выяснение причастности лица к преступлению и решения вопроса о применении к нему меры пресечения — это уже не цели, а задачи уголовно-процессуального

задержания, которые требуют своего решения каждый раз, когда данная мера уголовно-процессуального принуждения осуществляется» [27, с. 133].

На наш взгляд, различность вышеизложенных подходов свидетельствует о некотором смещении понятий цели, мотива и задачи. Эти понятия очень близки, тем не менее, не совпадают. Цель - это «идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс» [35, с. 659], «предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия» [42, с. 512]. В свою очередь «мотив (от лат. тойо - движение; душевное движение, эмоция) -внутреннее побуждение к действию, поступку. Мотив следует отличать от стимула - внешнего побуждения к действию внешними обстоятельствами.

По мнению М.Э. Исламова, «представляется также справедливым, что само по себе задержание не может являться средством установления причастности лица к совершению преступления. Благодаря задержанию лишь создаются оптимальные условия для этого, а также для принятия обоснованного решения о заключении его под стражу [27, с. 133]. Задержание подозреваемого, таким образом, способствует реализации целям уголовного судопроизводства» [27, с. 133].

По мнению Е.Г. Васильевой, «задержание только ради выяснения причастности лица к преступлению и решения вопроса о применении к нему меры пресечения, при отсутствии желания у задерживаемого лица скрыться, продолжить преступную деятельность или скрыть (уничтожить) доказательства, не совсем оправдано - эти вопросы вполне можно решить и не задерживая лицо, личность и местонахождение которого известно. Свобода же должна ограничиваться только тогда, когда без этого достижение поставленных целей невозможно» [4, с. 33]. Однако, по нашему мнению, если исходить из такой логики, то задержание фактически будет нереализуемо на практике, поскольку вряд ли кто из лиц, подозреваемых в совершении преступления открыто выразит своё желание «скрыться, продолжить

преступную деятельность или скрыть (уничтожить) доказательства». Вместе с тем, указанные обстоятельства являются мотивами задержания [4, с. 33] и, безусловно, должны учитываться при принятии решения о его применении.

П.Л. Сурихин считает, что «цель задержания можно сформулировать как создание благоприятных условий для установления причастности лица к совершению преступления и принятия обоснованного решения о заключении данного лица под стражу» [17, с. 113].

В целом, соглашаясь с таким определением, необходимо все же сделать некоторые замечания. В частности, вряд ли целесообразно использовать такую оценочную категорию, как «благоприятные условия» (благоприятный - «способствующий чему-нибудь, хороший» [42, с. 50]). Представляется, что условия должны, в-первую очередь, не препятствовать установленным законом действиям следователя или дознавателя, не создавать помех для процессуального оформления задержания.

Кроме того, с нашей точки зрения, указание только на «установления причастности лица к совершению преступления», заранее презюмирует такую причастность и определяет направление действий следователя, дознавателя на сбор фактов, её обосновывающих для принятия решения о заключении данного лица под стражу. При чем безальтернативного, если следовать логике предлагаемого, указанным выше автором, определения целей задержания.

Таким образом, как представляется, цель задержания должна быть определена законодательно, например в п. 11 ст. 5 УПК РФ в содержании самого определения «задержание подозреваемого» в следующей формулировке: «задержание подозреваемого - мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем или прокурором на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, с целью создания условий для подтверждения причастности или выяснения не причастности лица к совершению преступления и принятия обоснованного решения о заключении данного лица под стражу».

Глава 2 Порядок уголовно-процессуального задержания

2.1 Соотношение фактического и процессуального задержания

Одним из наиболее спорных вопросов института задержания в уголовном процессе является соотношение и правовое значение фактического и процессуального задержания. О значимости данного вопроса косвенно свидетельствует и то, что законодатель посчитал необходимым указать нормативное определение момента фактического задержания в ст. 5 УПК РФ.

Юридическое значение момента задержания заключается в том, что именно с этого момента лицо обретает соответствующий правовой статус, у последнего возникают права и обязанности подозреваемого. На первый взгляд, данное утверждение противоречит положениям ст. 46 УПК РФ, согласно которого момент обретения лицом статуса подозреваемого чётко связан с задержанием в порядке, предусмотренном статьями 91 и 92 УПК РФ. Согласно ч. 3 ст. 128 УПК РФ, срок задержания исчисляется с момента фактического задержания подозреваемого. Кроме того, в ч. 1 ст. 92 УПК РФ указывается, что «после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания» [41]. Согласно буквальному пониманию данной нормы, лицо, фактически задержанное и доставленное к следователю, уже является подозреваемым несмотря на то, что протокол о задержании последнего следователем ещё не составлен. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что лицо обретает статус задержанного (соответствующие права и обязанности) с момента его фактического задержания.

Соответствующие обязанности и полномочия в отношении подозреваемого возникают у следователя, дознавателя и органа дознания. Так, согласно ч. 2 ст. 46 УПК РФ, возникает обязанность допросить подозреваемого в течение 24 часов с момента именно фактического задержания. В случае фактического задержания, в соответствии с ч. 3 ст. 46

УПК РФ, у следователя или дознавателя возникает обязанность уведомить родственников или других близких лиц задержанного, сообщить об его местонахождении. То же самое касается и права на один телефонный разговор. Момент фактического задержания также связан с возникновением у подозреваемого права на правовую помощь защитника в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ (с момента фактического задержания).

Так, согласно п. 15 ч. 1 ст. 5 ФПК РФ, момент фактического задержания определён как «момент производимого в порядке, установленном настоящим Кодексом, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления» [41]. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в законе определён именно момент фактического задержания лица, но не сам термин «фактического задержания». Соответственно законодательно, не установлена и не определена его сущность и сущностные признаки.

В свою очередь, как это нередко случается, отсутствие законодательной определённости относительно соотношения фактического и процессуального задержания в уголовном процессе, порождает соответствующую неопределённость в теоретическом осмыслении соответствующих категорий и правоприменительную проблему. Последняя проблема заключается в том, что отсутствует достоверное понимание о том, кто именно принимает решение о фактическом задержании, каким образом обеспечить задержанному лицу его права и свободы в период, когда он фактически задержан и до момента доставления следователю, как быть, если фактически задержанное лицо, в последствии, не задерживается следователем.

Ведь нередко, фактическое задержание производится сотрудниками патрульно-постовой службы, участковыми уполномоченными, сотрудниками оперативных подразделений. Последние не имеют процессуальной и иной возможности повлиять на решение следователя и дознавателя (а нередко и его руководителей) относительно оформления процессуального задержания лица. При этом, описанная ситуация далеко не всегда и не во всех случаях означает,

что сотрудниками, осуществившими фактическое задержание, был нарушен закон.

Возможно, действительная квалификация действий фактически задержанного лица не позволяет применить задержание (не предусматривает лишение свободы), возможно, после доставления задержанного к следователю, он самостоятельно признал свою вину, способствует раскрытию преступления, возможно он имеет заболевания которые не позволяют ему находиться в условиях изоляции, малолетних детей и имеют место прочие обстоятельства, в силу которых следователь или дознаватель принимает решение о нецелесообразности оформления его процессуального задержания. Кроме того, в силу определённых обстоятельств, может отсутствовать такое условие для процессуального задержания, как возбужденное уголовное дело, поскольку, например, потенциальный потерпевший на согласиться обратиться с соответствующим заявлением в правоохранительные органы, имущество, похищенное «у предприятия», в действительности окажется не находящимся у него на балансе, а следователь, его собственник и надлежащий заявитель будет не установлен и т.п.

Существует также и проблема определения момента фактического задержания лица. Например, Д.С. Злыденко указывает, что «дискуссионным является вопрос, связанный с точным определением времени фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. Пункт 11 ст. 5 УПК РФ прямо указывает на то, что срок задержания не может превышать 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, а п. 15 этой же статьи закрепляет, что момент фактического задержания наступает при фактическом лишении свободы передвижения подозреваемого в совершении преступления» [8, с. 24]. С данным мнением действительно необходимо согласиться, поскольку в силу отдельных положений УПК РФ, лицо, фактически задержанное наделяется правами и обязанностями подозреваемого, при этом, фактические задержание

по своему смыслу может и должно производиться (при наличии соответствующих оснований) до возбуждения уголовного дела.

Все вышеперечисленные возможные варианты развития событий после фактического задержания лица и доставления его следователю или дознавателю, в большей степени связаны с задержанием по основанию застижения лица при совершении преступления или непосредственно после его совершения (п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ). Перечислить все «проблемы» и варианты возникающих следственных ситуаций после доставления фактически задержанного лица объективно невозможно. Однако, их существование порождает соответствующую правоприменительную проблему и, с одной стороны, создаёт условия для нарушения прав и свобод граждан со стороны правоохранительных органов, с другой стороны – не предоставляет достаточный уровень защиты и гарантий законной и добросовестной деятельности сотрудников правоохранительных органов по выявлению и пресечению преступных проявлений, в случае непринятия следователем решения об оформлении процессуального задержания в отношении фактически задержанного лица.

Процессуальная самостоятельность следователя, принцип законности в его деятельности предполагает возможность принятия решения о не оформлении протокола о задержании доставленного лица по различным причинам (в том числе и описанным выше).

В свою очередь, невозможно отрицать необходимость фактического (физического) задержания лица сотрудниками правоохранительных органов, если они застигнут при совершении деяния, которое «внешне» (визуально) выглядит как преступление или непосредственно после его совершения и доставят данное лицо в правоохранительный орган. Регулирование данного вопроса вне рамок УПК РФ выглядит необоснованным, поскольку по смыслу физического (фактического) задержания, каждый такой случай даже в отсутствии возбужденного уголовного дела и лица, желающего подать заявление о совершённом в отношении него преступлении, является поводом

для проведения доследственной проверки в порядке предусмотрено УПК РФ. То же самое относится и к гражданам, которые физически задерживают лицо (такие случаи урегулированы законодательством о необходимой обороне и задержании лица).

Как уже указывалось в предыдущих разделах, спорные и неоднозначные вопросы не разрешены на уровне обобщения судебной практики в постановлениях Пленума ВС РФ. Возможно, это связано с отсутствием достаточного количества рассматриваемых судом жалоб на неправомерные действия при задержании (фактическом). По смыслу уголовно-процессуальных норм, такие жалобы в большей степени заявляются задержанным при избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу в судебном заседании, и проверка таких сообщений судом поручается органам прокуратуры, после чего продолжается рассматриваться вопрос о мере пресечения (предположение, поскольку подтвердить или опровергнуть его невозможно в виду отсутствия в открытом доступе соответствующей статистики).

Возвращаясь к проблематике определения фактического (физического) задержания отметим следующие варианты его определения. Например, С.Ж. Тургаев определяет физическое (фактическое) задержание как «поимку и доставку лица, совершившего преступление, в орган дознания или к следователю. Такое задержание осуществляется как в процессе охраны общественного порядка, например, при непосредственном наблюдении факта преступления, так и при проведении оперативно-розыскных мероприятий» [37, с. 77]. Также, С.Ж. Тургаев обращает внимание на то, что осуществление физического захвата лица по смыслу уголовно-процессуального закона, представляет собой средство пресечения преступления, применение которого, однако, возможно только при наличии предусмотренных законом оснований (ст. 91 УПК РФ).

В результате проведённого анализа научных взглядов на проблематику разграничения фактического и процессуального задержания лица в уголовном

процессе, установлено наличие различных предложений относительно путей её решения.

Например, одна группа учёных предлагает наделить фактически задержанное лицо отдельным процессуальным статусом, и даже, составлять отдельный протокол о фактическом задержании лица. По их мнению, такие законодательные нововведения позволит реально соблюсти права и законные интересы задержанного лица. К таким учёным относятся А.В. Куликов, Г.А. Чобанова [12, с. 25-33], С.А. Яковлева [53, с. 49-52], С.М. Куценко [15, с. 151-154], А.В. Победкин, В.М. Яшин [31, с. 16-24] и многие другие.

Так, С.И. Вершинина полагает, что в УПК РФ недостаточно разграничены моменты фактического и процессуального задержания и последние необоснованно отождествляются как единое уголовно-процессуальное задержание. В связи с этим, С.И. Вершинина предлагает юридически разграничить фактическое и уголовно-процессуального задержания «путем закрепления их в качестве самостоятельных обособленных видов правового задержания, соответственно, в Федеральном Законе «О полиции» и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ» [5, с. 12].

Данное предложение видится не вполне обоснованным, поскольку не ясны цели и задачи, которые будет решать фактическое задержание. Положение закона, которое включает время с момента фактического задержания и до доставления, задержанного следователю или дознавателю в общий срок задержания, необходимость допроса и уведомления родственников и близких о факте задержания и месте нахождения задержанного, а также возникновение у подозреваемого прав и обязанностей (статуса подозреваемого) связано с необходимостью обеспечения прав и законных интересов лица, задержанного по подозрению в совершении преступления.

Ситуация, в которой временный рамки и юридический статус лица, фактически задержанного и подозреваемого, который задержан в порядке ст. 91 УПК РФ, будет различен, создаст предпосылки для нарушения прав

человека и применения в отношении фактически задержанного лица недозволенных мер дознания и следствия, поскольку «узаконит» длительное нахождение задержанного лица у сотрудников органа дознания.

Например, С.А. Яковлева предлагает дополнить УПК РФ статьёй 92.1 следующего содержания: «1. Следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания, представитель органа дознания оформляет протокол о фактическом задержании лица по подозрению в совершении преступления с обязательным указанием даты, времени, места, оснований, квалификации преступления, в совершении которого лицо подозревается, и иных обстоятельств фактического задержания, разъяснения прав фактически задержанному лицу» [53, с. 52].

Комментируя данное предложение, отметим несколько, как представляется, наиболее спорных моментов. В частности, требование об указании в протоколе «о фактическом задержании» квалификации преступления выглядит преждевременной, так как он составляется по факту фактического задержания и, как правило, не теми должностными лицами, которые осуществляют предварительное расследование по уголовному делу. То есть теми должностными лицами, которые не уполномочены квалифицировать действия задержанного (такая квалификация применяется при решении вопроса о возбуждении в отношении лица уголовного дела и (или) уголовного преследования, при оформлении самого протокола задержания и т.п.).

Согласно сложившейся практики, фактическое задержание, как правило, оформляется рапортом сотрудников правоохранительного органа, в котором указываются все обстоятельства и основания такого задержания. В последствии сотрудники задержавшие подозреваемого, допрашиваются как свидетели по уголовному делу и уже не могут принимать участие в нём в качестве сотрудников органа дознания, проводить розыскные, оперативно-розыскные действия, выполнять поручения следователя по нему.

Кроме того, применительно к вышеуказанному предложению, не понятно, по какой причине установлен следующий перечень должностных лиц, которых предлагается уполномочить на составление протокола о фактическом задержании лица: «Следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, начальник органа дознания, представитель органа дознания» [53, с. 52].

В силу прямого указания УПК РФ, следователь должен составить протокол процессуального задержания не позднее трёх часов с момента доставления ему подозреваемого. Действительно ли необходимо ему предварительно составлять ещё и протокол о фактическом задержании, тем более их содержание во многом будет дублироваться. Обозначенное предложение также не решает вопрос в случае, если фактическое задержание проводится иными сотрудниками правоохранительных органов, не отнесённых к органу дознания. К таким сотрудникам могут быть отнесены сотрудники ДПС, ППС (иных аналогичных служб), Росгвардии, сотрудники районных, городских и прочих отделов ОВД, не относящиеся к так называемым «наружным» службам, сотрудники полиции, проходящие службу в учебных заведениях, курсанты, принявшие присягу (т.е. лица, на которых возложены обязанности предусмотренные ФЗ «О полиции» предпринять соответствующие меры, в случае поступления информации о совершённом преступлении) и прочие. Специфика допроцессуального (физического, фактического) задержания не позволяет урегулировать его по аналогии с «протокольным» задержанием.

Как показывает практика формирования уголовно-процессуальных норм, нередко их совершенствованию предшествует предварительное формирование и проверка «временем» определённого процессуального действия «на практике». Например, это всем известные опознания и очные ставки, проверка показаний на месте, которые изначально были апробированы следственно-судебной практикой органами следствия в советский период, а

затем только введены в уголовно-процессуальное законодательство в виде соответствующих разновидностей допросов.

Применительно к рассматриваемому случаю речь идёт о написании соответствующего рапорта с указанием обстоятельств задержания, данных о должностных лицах осуществивших фактическое задержание, об основаниях задержания, о предварительной квалификации действий задержанного исходя из обстоятельств), информации о потенциальных потерпевших, свидетелях и очевидцах, которые указали на лицо, как на совершившее преступление, либо были очевидцами самого фактического задержания, информации о фиксации момента задержания техническими средствами аудио-видеофиксации (для последующего, при необходимости, их изъятия и приобщения к делу в качестве доказательств) и т.п. Формирование точного перечня содержания такого рапорта не представляется целесообразным, оно должно быть продиктовано уголовно-процессуальной практикой, практикой судебного контроля и прокурорского надзора за правомерностью соответствующих действий.

В качестве ещё одного варианта решения проблемы В.Ю. Стельмах предлагает разграничить правовое регулирование фактического и процессуального задержания лица, способом внесения «точечных» изменений в уже существующие нормы, без придания стадии фактического задержания большого объёма правил и процедур, которые только усложнят реализацию уполномоченными органами соответствующих полномочий.

Таким образом, В.Ю. Стельмах предлагает разграничить в УПК РФ моменты фактического и процессуального задержания исходя из следующих начал, предусмотрев законодательно: «1) саму возможность любого лица, в т.ч. сотрудника правоохранительного органа, производить задержание лиц при наличии в их действиях признаков преступления; 2) необходимость доставления задержанного в разумный и при этом максимально возможно короткий срок в правоохранительный орган; 3) возможность зачета времени физического задержания в срок уголовного с наказания (по аналогии с тем, как

в срок наказания засчитывается время действия меры пресечения, которая не является уголовным наказанием, но имеет сходный фактический режим)» [33, с. 207].

Представляется, что с предложением В.Ю. Стельмах необходимо согласиться. Однако во вполне закономерном предложении предусмотреть право (полномочия) фактического задержания лица по подозрению в совершение преступления и его доставления в следователю или дознавателю для рассмотрения вопроса о наличии условий и оснований для применения процессуального задержания, существует проблема определения адресата данного предписания. Фактически по своему смыслу, оно распространяется не только на следователя, дознавателя, орган дознания в лице его сотрудников, а также на соответствующих руководителей, но и на другой круг уполномоченных должностных лиц, осуществляющих охрану общественного порядка не относящихся структурно к тем же органам дознания.

В таком случае, фактически УПК РФ будет распространять своё действие на неограниченный круг субъектов. При этом, в целом, не смотря на наличие обозначенного противоречия, в нормативной регламентации возможности фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления уже давно назрела необходимость. Что касается предложения по законодательной регламентации правила доставления фактически задержанного лица в правоохранительный орган в кратчайший срок, то с таким предложением также необходимо согласиться.

Также необходимо обратить внимание на предложения высказанные Е.В. Большаковым и И.Д. Назаровым которые предлагают определить «задержание подозреваемого как меру уголовно-процессуального принуждения, применяемую органом дознания, дознавателем, следователем, с целью установления причастности или непричастности лица к совершению преступления, на срок 48 часов с момента фактического задержания, являющегося началом уголовного судопроизводства в случае задержания до возбуждения уголовного дела, и одним из условий приобретения статуса

подозреваемого» [2, с. 128-129]. Таким образом, учёные предлагают решить проблему определения статуса подозреваемого за фактически задержанным лицом, момент начала уголовного преследования в отношении последнего.

В подведение итогов отметим, что разрешение проблемы соотношения фактического и процессуального задержания имеет большое значение для понимания сущности задержания как такового, правильного применения действующих норм о задержании лица по подозрению в совершении преступления, а также для дальнейшего совершенствования правового регулирования данной меры принуждения.

2.2 Процессуальное оформление и исчисление сроков задержания подозреваемого

Порядок задержания подозреваемого урегулирован ст. 92 УПК РФ.

Первым правилом является правило о составлении протокола задержании подозреваемого в срок не более трёх часов с момента, когда подозреваемый был доставлен в орган дознания или к следователю (ч. 1 ст. 92 УПК РФ). Момент доставления подозреваемого следователю обычно прослеживается способом выполнения соответствующих записей в книге задержанных и доставленных соответствующего отдела полиции или другого правоохранительного органа. При этом, в случае с фактическим задержанием лица, которое производится органом дознания или другими сотрудниками правоохранительного органа, может иметь место запись о доставлении последнего именно к этим сотрудникам, но не к следователю.

Мотивами выполнения таких действий может служить необходимость предварительного опроса задержанного лица, проведение с ним беседы, ожидание назначения следователя, который будет заниматься процессуальным оформлением задержания, возбуждением и расследованием уголовного дела, если такое дело ещё не было возбуждено и т.п. В последствии, задержанное лицо может быть передано следователю для

процессуального оформления задержания. Как мы можем наблюдать не все возможные действия с подозреваемым соответствуют норме закона. Во-первых, представляется недопустимым все возможные предварительные опросы подозреваемого и беседа с последним, поскольку к этому моменту он уже имеет статус подозреваемого и ему должны быть разъяснены соответствующие права, предоставлена возможность привлечения защитника и т.п.

В связи с этим, отметим, что ч. 1 ст. 91 УПК РФ также обязывает следователя разъяснить подозреваемому его права и обязанности и сделать об этом соответствующую отметку в протоколе задержания. Иными словами, отметка о разъяснении прав должны быть выполнена в протоколе, в то время как само разъяснение прав подозреваемого может быть произведено и до его составления, в том числе сотрудниками органа дознания, которые доставили задержанного в соответствующий правоохранительный орган. Однако, в отсутствие документального подтверждения разъяснения прав подозреваемого, в последствии, в ходе прокурорского надзора и судебного контроля за законностью задержания, данный факт может быть поставлен под сомнение.

В связи с вышеизложенным, отметим, что в законе существует неопределённость в урегулировании правового статуса подозреваемого и полномочий должностных лиц органа дознания в период с момента его фактического задержания и до момента доставления следователю, в аспекте того, что в силу обстоятельств организационного характера (назначение следователя, ознакомление следователем с материалами уголовного дела, обстоятельствами задержания) и процессуального (доследственная проверка, поиск и принятие заявления от потерпевшей стороны, определение точной квалификации, возбуждение уголовного дела, необходимость «документирования» оснований для задержания подозреваемого способом допроса очевидцев указавших на подозреваемого или сотрудников

правоохранительных органов, которые произвели его физическое задержание и т.п.) [2, с. 122].

Таким образом, «доставлять» задержанное лицо следователю до разрешения перечисленных вопросов «не целесообразно» с организационной точки зрения, поскольку в одном случае, доставлять просто некому, или вновь назначенный следователь, получивший дело изучает его, в другом случае, не возбуждено уголовное дело. Если рассмотрение сообщение о преступлении или возбужденное уголовное дело поручено не группе следователей, то одновременное нахождение у следователя, задержанного и производство им соответствующих процессуальных действий (например, работа с заявителем, очевидцем, составление постановления о возбуждении уголовного дела и т.п.) невозможно практически. Однако, как известно по смыслу УПК РФ, доставление подозреваемого должно иметь место в кратчайшие возможные сроки, это требует забота о соблюдении прав и законных интересов задержанного лица, опросы задержанного лица и беседы с ним сотрудниками органа дознания находятся «вне закона», поскольку такому подозреваемому не обеспечивается разъяснение его прав, возможность пользоваться помощью защитника, кроме того, сроки процессуального задержания уже исчисляются.

Далее обратим внимание на положения ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ, согласно которой, «в случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно» [41]. Данное правило было введено в 2015 году [46]. Обращает на себя внимание некоторое «несовершенство» данной нормы. Представляется, что число случаев, когда защитник участвует в деле именно с того, момента, когда лицо было фактически задержано (ограничена свобода его передвижения сотрудниками правоохранительного органа) ничтожно мало. Кроме того, статус защитника предполагает под собой его предварительный допуск к участию в деле следователем. При этом задержанному, по смыслу уголовно-процессуального законодательства, должно быть предоставлено право привлечь защитника с

момента фактического задержания на протяжении всего времени его транспортировки в правоохранительный орган и до доставления следователю. Привлечённый таким образом адвокат (поскольку он ещё не защитник, так как он не опущен следователем), при условии наличия у последнего соответствующих подтверждающих его статус документов, может присутствовать в процессе его опроса (если уголовное дело ещё не возбуждено и проходит доследственная проверка), проводить его консультации.

Далее обратим внимание на требование к содержанию протокола задержания. Согласно ч. 2 ст. 92 УПК РФ, «в протоколе указываются дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания. Протокол задержания подписывается лицом, его составившим, и подозреваемым» [41]. В случае, если при составлении протокола задержания участвует защитник, то последний также подписывает протокол. При этом необходимо отметить, что ч. 1.1 ст. 92 УПК РФ корреспондируется с правом защитника знакомиться с протоколом задержания (п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). В случае, произведения личного обыска задержанного, в соответствующей части протокола необходимо выполнение подписей привлечённых для этого понятых. Также, представляется целесообразным указание в протоколе задержания момента его фактического задержания, момента доставления, задержанного следователю [51, с. 81-85].

Следующей обязанностью, связанной с задержанием лица, является уведомление о его задержании прокурору, которое должно быть произведено в течении 12 часов с момента задержания подозреваемого (ч. 3 ст. 92 УПК РФ). Обращает на себя внимание неясность «момента задержания», который можно трактовать и как момент фактического задержания и как момент составления протокола задержания

Также, ч. 4 ст. 92 УПК РФ предусмотрено правило о допросе задержанного подозреваемого « в соответствии с требованиями части второй статьи 46, статей 189 и 190 настоящего Кодекса. До начала допроса

подозреваемому по его просьбе обеспечивается свидание с защитником наедине и конфиденциально. В случае необходимости производства процессуальных действий с участием подозреваемого продолжительность свидания свыше 2 часов может быть ограничена дознавателем, следователем с обязательным предварительным уведомлением об этом подозреваемого и его защитника. В любом случае продолжительность свидания не может быть менее 2 часов» [41].

Необходимость допроса обусловлена тем, что подозреваемому должна быть предоставлена возможность дать показания по существу подозрения. Длительное нахождение задержанного в условиях изолятора временного содержания без вызовов и допросов может расцениваться как психологическое давление на последнего. Кроме того, как уже было установлено, одной из целей задержания является проверка обоснованности подозрения, которая в принципе, не будет полноценной, без допроса подозреваемого, по существу.

Отметим, что у подозреваемого с момента задержания возникают все предусмотренные законодательством для него права и обязанности. При этом законодатель выделяет такое право подозреваемого, как знать в чём он подозревается, получить копию протокола задержания (п. 1 ч. 4 ст. 46 УПК РФ).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос уведомления о факте задержания, который урегулирован ст. 96 УПК РФ. По общему правилу, изложенному в ч. 1 указанной статьи, подозреваемый «в кратчайший срок, но не позднее 3 часов с момента его доставления в орган дознания или к следователю имеет право на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц о своем задержании и месте нахождения, о чем делается отметка в протоколе задержания» [41]. Отметим, что указанное правило действует в текущей редакции с 2015 года с принятием ФЗ от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ [46]. До внесения обозначенных

изменений, обязанность по уведомлению близких или других родственников возлагалась на следователя или дознавателя в срок не позднее 12-ти часов. Как мы можем наблюдать, законодатель существенно сократил предельный срок до 3-х часов и преобразовал соответствующее действие из обязанности следователя или дознавателя в право задержанного сообщить о своём задержании самостоятельно. Дознаватель или следователь с 2015 года обязаны уведомить родственников самостоятельно только в случае если сам подозреваемый откажется от такого звонка или «в силу его физических или психических недостатков самостоятельно осуществлять указанное право»

Кроме того, в период с 2010 по 2015 года в ст.96 УПК РФ было внесено ряд изменений [44], [43], которые в силу специфики правового статуса задержанного, обязывают следователя или дознавателя уведомлять об этом командование воинской части (при задержании военнослужащего), начальника ОВД (при задержании соответствующего сотрудника ОВД), секретаря Общественной палаты РФ (при задержании члена общественной комиссии), адвокатскую палату субъекта РФ (при задержании состоящего в ней адвоката), посольство или консульство иностранного государства (гражданином которого является задержанный).

Из обозначенного правила есть исключение, предусмотренное ч. 4 ст. 96 УПК РФ, согласно которой, «при необходимости сохранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление по мотивированному постановлению дознавателя, следователя с согласия прокурора может не производиться, за исключением случаев, если подозреваемый является несовершеннолетним» [41].

Сходной обязанностью также является обязанность следователя, в соответствии со ст. 160 УПК РФ, принять меры по передаче на попечение несовершеннолетних детей, иждивенцев, требующих ухода престарелых родителей задержанного лица.

Далее обратимся к вопросу об исчислении сроков задержания подозреваемого. Основным положением в вопросе определения сроков

задержания являются положения ч. 2 ст. 22 Конституции РФ и ч. 1 ст. 10 УПК РФ, согласно которых до судебного решения, лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

Таким образом, срок задержания исчисляется в часах. Если обратиться к положениям УПК РФ, регулирующих правила исчисления сроков в уголовном процессе, то согласно ч. 2 ст. 128 УПК РФ, «Если окончание срока приходится на нерабочий день, то последним днем срока считается первый следующий за ним рабочий день, за исключением случаев исчисления сроков при задержании ...» [41]. Применительно к задержанию, в соответствии с ч. 3 ст. 128 УПК РФ, указано, что срок задержания исчисляется с момента фактического задержания лица.

Отметим, что в УПК не описываются правила исчисления сроков, исчисляемых в часах, а содержатся только указания на то, как правильно исчислять сроки, указанные в сутках и месяцах.

Далее отметим, что в качестве исключения, срок задержания может быть продлен. Этот вопрос урегулирован в соответствии с п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ, согласно которого судом при рассмотрении вопроса о применении в отношении задержанного подозреваемого меры пресечения в виде заключения под стражу, может быть принято решение о продлении срока задержания. Согласно указанной нормы, «продление срока задержания допускается при условии признания судом задержания законным и обоснованным на срок не более 72 часов с момента вынесения судебного решения по ходатайству одной из сторон для представления ею дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении о продлении срока задержания указываются дата и время, до которых продлевается срок задержания» [41].

Обращает на себя внимание, что срок, на который продляется задержание исчисляется именно с момента вынесения судом соответствующего решения, а не с момента фактического или процессуального задержания. Условиями, необходимыми для принятия такого

решения является: прохождение судебного контроля законности и обоснованности задержания (в том же судебном заседании в котором решается вопрос о мере пресечения), наличия у одной из сторон соответствующего ходатайства (сторона обвинения или защиты), которое мотивировано необходимостью дополнительных доказательств относительно обоснованности или необоснованности избрания в отношении задержанного заключения под стражу [47, с. 163-165].

Исходя из процитированных выше законодательных положений, можно сделать вывод о том, что срок задержания исчисляется с момента фактического задержания, равен 48 часов и заканчивается по истечению указанного периода времени без применения правил о переносе сроков в связи с нерабочим днём, на который приходится его окончание. Продление сроков задержания на срок до 72 часов с момента вынесения соответствующего судебного решения, возможно только на основании такого судебного решения, при условии рассмотрения вопроса о применении в отношении задержанного меры пресечения в виде заключения под стражу, признания состоявшегося задержания законным и обоснованным, и при условии подачи стороной обвинения или защиты соответствующего ходатайства.

Основанием для принятия такого решения судом является наличие необходимости предоставления сторонами дополнительных доказательств относительно обоснованности или необоснованности применения заключения под стражу.

В подведение итогов написания данного параграфа, отметим, что положения УПК РФ, предусматривающие процессуальный порядок процессуального оформления задержания, требуют своего совершенства. Сделан вывод о том, что ч. 1.1 ст. 92 УК РФ требует изменений в следующей редакции:

«1.1 В случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно. С момента фактического

задержания и до доставления следователю задержанное лицо имеет право привлечь для получения правовой помощи адвоката, вопрос о допуске, которого к участию в деле в качестве защитника, решается следователем после доставления ему задержанного. Привлечённый задержанным адвокат имеет право присутствовать при общении с задержанным сотрудниками органов дознания, предоставлять ему консультации».

Кроме того, предлагается дополнить ст. 92 УПК РФ следующими положениями:

«1.2 В случае, если на момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, решение о возбуждении уголовного дела не принято, как исключение допускается нахождение задержанного в помещении органа дознания и проведение его опроса, совершение других действий, предусмотренных статьёй 144 настоящего Кодекса. В таком случае, задержанному должны быть разъяснены его права, предоставлена возможность привлечь для получения правовой помощи адвоката. Задержанное лицо должно быть доставлено следователю незамедлительно после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

1.3. В случае фактического задержания и доставления, задержанного в правоохранительный орган, на руководителя следственного органа, его заместителя возлагается обязанность обеспечить участие в производстве задержания следователя в производстве которого находится уголовное дело, следователя, производящего расследование уголовного дела в составе следственной группы, а в случае невозможности, поручить расследование уголовного дела или проведение доследственной проверки другому следователю».

2.3 Освобождение задержанного: порядок, основания и процессуальные последствия

Основания для освобождения подозреваемого закреплены в ст. 94 УПК РФ, согласно ч. 1 которой подозреваемый должен быть освобождён на основании постановления дознавателя или следователя в следующих случаях: «1) не подтвердилось подозрение в совершении преступления; 2) отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу; 3) задержание было произведено с нарушением требований статьи 91 настоящего Кодекса» [41].

В соответствии с ч. 1 ст. 10 УПК РФ, «никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом» [41]. Данное правило корреспондируется с процитированной выше п. 3 ч. 1 ст. 94 УПК РФ, в котором идёт речь о нарушении требований ст. 91 УПК РФ в которой предусмотрены условия и основания задержания лица [14, с. 155].

Обращает на себя внимание также то, что в соответствии с ч. 1 ст. 94 УПК РФ, подозреваемый, в предусмотренных случаях, должен быть освобождён именно на основании постановления следователя или дознавателя. В свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 10 УПК РФ в редакции ФЗ от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ [45], «суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или лишённого свободы, или незаконно помещённого в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного настоящим Кодексом» [41].

Кроме того, отдельным основанием для освобождения подозреваемого, в соответствии с ч. 2 ст. 94 УПК РФ, является истечение предусмотренного

для задержания 48-часового срока (при условии, если не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо не было продлено задержание лица на срок до 72 часов). Представляется, что правильное применение данного положения связано не сколько с принятием следователем соответствующего решения в форме постановления, сколько с выполнением учреждения в котором содержится подозреваемый обязанности предусмотренной ч. 3 ст. 94 УПК РФ, согласно которой подозреваемый подлежит освобождению, если в установленный 48 часовой срок в учреждение где содержится задержанный не поступило соответствующее судебное решение о продлении срока задержания, либо о применении меры пресечения в виде заключения под стражу [32, с. 162].

Кроме того, положения ч. 3 ст. 94 УПК РФ, можно рассматривать как такие которые обязывают начальника места содержания подозреваемого освободить последнего во всяком случае, когда к моменту истечения 48 часов постановление о заключении под стражу или о продлении срока задержания не поступит в соответствующее учреждения даже в том случае, когда оно вынесено в установленном порядке. В таком случае на начальника места содержания подозреваемого возлагается обязанность уведомить об этом орган дознания или следователя в производстве которого находится уголовное дело, а также прокурора [48, с. 183].

Данное положение, как представляется, направлено на установление дополнительных гарантий соблюдения права подозреваемого на неприкосновенность личности, которое, среди прочего, подразумевает под собой недопустимость излишнего, более установленного срока, кратковременного лишения свободы (задержания). Кроме того, представляется, что законодатель, установив рассматриваемое правило, предпринял попытку искоренить случаи несвоевременного рассмотрения судами ходатайств о заключении под стражу в отношении задержанных, когда установленные 48-часовые сроки не соблюдаются. Важно также подчеркнуть,

что начальник учреждения, в котором содержится подозреваемый, несёт персональную ответственность за выполнение данного требования.

Вместе с тем, в целях совершенствования данного порядка, представляется необходимым дополнить его правилом, согласно которого учреждение, в котором содержится подозреваемый считается уведомленным о продлении срока задержания или об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в случаи, когда соответствующее постановление было передано сотрудникам конвойных подразделений. Данный факт должен подтверждаться документально с указанием даты и точного времени вручения постановления. Целесообразность установления данного правила заключается в том, что место нахождения суда, в котором рассматривается соответствующее ходатайство и место нахождения соответствующего учреждения могут быть на значительном удалённом расстоянии друг от друга, а рассмотрение судом соответствующего вопроса может происходить в пределах 48 часов, т.е. и в условный «последний» час предусмотренного срока, что сделает невозможным своевременную транспортировку подозреваемого и соответствующего постановления в соответствующее учреждение.

Части 4 и 5 ст. 94 УПК РФ предусматривают правила освобождения лица из-под стражи. Во-первых, предусмотрено, что при освобождении задержанного, ему должна быть выдана копия соответствующего определения или постановления суда об отказе в удовлетворении ходатайства дознавателя, следователя или об избрании в отношении подозреваемого соответствующей меры пресечения. Кроме того, освобождаемому подозреваемому должна быть выдана «справка, в которой указываются, кем он был задержан, дата, время, место и основания задержания, дата, время и основания освобождения» [41].

Далее отметим, что в законодательстве также предусмотрены отдельные основания для освобождения задержанного лица, которые связаны с его особым правовым статусом.

В первую очередь, это положения ст. 98 Конституции РФ, в редакции Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ [9],

согласно которой «сенаторы Российской Федерации и депутаты Государственной Думы обладают неприкосновенностью в течение всего срока их полномочий. Они не могут быть задержаны, арестованы, подвергнуты обыску, кроме случаев задержания на месте преступления, а также подвергнуты личному досмотру, за исключением случаев, когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей»[19].

Обращает на себя внимание, что применительно к перечисленным категориям должностных лиц, неприкосновенность в виде запрета задержания не распространяется на случаи, когда последние были задержаны на месте совершения преступления, а также в целях обеспечения безопасности других людей. Наличие соответствующего запрета на задержание при определённых условиях, означает, что судья, прокурор, дознаватель или следователь, после установления личности и правового статуса сенатора или депутата Государственной Думы, должен вынести постановление об освобождении задержанного.

Кроме того, следует обратить внимание на положения ст. 449 УПК РФ, согласно которой «член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, судья федерального суда, мировой судья, прокурор, Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудитор Счетной палаты Российской Федерации, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, задержанные по подозрению в совершении преступления в порядке, установленном статьей 91 настоящего Кодекса, за исключением случаев задержания на месте преступления, должны быть освобождены немедленно после установления их личности» [6, с. 93-94].

Таким образом, перечень категорий должностных лиц, которые подлежат освобождению в случае их задержания, расширен в самом УПК РФ. При этом, в отличие от положения ст. 98 Конституции РФ, в ст. 449 УПК РФ перечень оснований для задержания более «узкий», поскольку отсутствует

такое основание, как такой случай, «когда это предусмотрено федеральным законом для обеспечения безопасности других людей» (ст. 98 Конституции РФ).

В подведение итогов, отметим, что в законодательстве установлены достаточные гарантии в целях соблюдения прав и гарантий для задержанных лиц в части соблюдения предельного срока задержания, а также гарантий незамедлительного освобождения задержанного в случае, если его задержание будет признано незаконным или необоснованным. Однако, необходимо указать на то, что такие оснований и гарантии расположены обособленно друг от друга, что создаёт определённые трудности в их систематизации и системном толковании (содержание принципа неприкосновенности личности изложенное в ст. 10 УПК РФ, положения об освобождении задержанного содержащиеся в ст. 94 УПК РФ, положения Конституции РФ и ст. 449 УПК РФ).

Выявлены определённые противоречия, которые связаны с субъектом, на которого возложены обязанности освободить задержанного. Например, согласно п. 3 ч. 1 ст. 94 УПК РФ, по постановлению следователя должны быть освобождены лица, задержанные с нарушением порядка предусмотренного ст. 91 УПК РФ. Однако, факт «нарушения» такого порядка в большинстве случаев устанавливается судом или прокурором, у которых, вместе с тем, в силу буквального толкования соответствующей нормы, отсутствует полномочие по вынесению соответствующего постановления. Кроме того, в силу ч. 2 ст. 10 УПК РФ, обязанность освободить задержанного содержащегося сверх установленного 48-часового срока возлагается на всех: суд, прокурор, орган дознания, дознаватель, следователь. В тоже время, согласно ч.ч. 2 ст. 94 УПК РФ, субъект, который должен принять такое решение, не указан, а полномочие по вынесению решения об освобождении задержанного, в законе не конкретизировано [7, с. 172].

Существуют противоречия и между ч. 2 и 3 ст. 94 УПК РФ, согласно которых, с одной стороны, лицо не подлежит освобождению если в отношении

него принято решение о продлении срока задержания или о заключении под стражу, а с другой стороны лицо подлежит освобождению, если соответствующий документ не поступил в учреждение, в котором содержится задержанный до истечения предельного срока задержания.

В целях совершенствования правового регулирования механизма освобождения задержанного, соблюдения баланса публичного интереса и интересов личности, ст. 94 УПК РФ предлагается дополнить ч. 3.1 следующего содержания:

«Учреждение, в котором содержится подозреваемый считается уведомленным о продлении срока задержания или об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в случае, когда соответствующее постановление было передано должностным лицам, осуществляющим конвоирование задержанного. Факт передачи постановления должностным лицам, осуществляющим конвоирование задержанного, подтверждается распиской».

Заключение

В результате проведённого исследования, были сделаны следующие выводы и предложения:

Во-первых, задержание это мера принуждения, которая заключается во временном краткосрочном ограничении свободы лица подозреваемого в совершении преступления, без санкции суда и имеет своей целью, среди прочих, создание условий необходимых для проверки лица подозреваемого в совершении преступления на предмет обоснованности таких подозрений, пресечения противоправного поведения лица, а также разрешение вопроса о наиболее обоснованной мере пресечения, которая подлежит применению к подозреваемому в дальнейшем.

Во-вторых, для задержания лица по подозрению в совершении преступления, необходима определённая в законе совокупность условий и оснований для такого задержания:

- «условие преступления». За преступление, в котором подозревается лицо, должно быть предусмотрено наказание в виде лишения свободы не менее чем на один год (обязательное требование);
- наличие одного из следующих альтернативных оснований подозревать лицо в совершении преступления: когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения (альтернативное основание); когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление (альтернативное основание); когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления (альтернативное основание).
- наличие иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, при наличии «условия о преступлении» и одного из следующих дополнительных условий: это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не

установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу;

- отсутствие у лица «иммунитета» от уголовно-процессуального задержания. Это, в первую очередь, случаи наличия особого статуса лица, занимающего установленный перечень государственных должностей (ст. 423 УПК РФ) либо лица, выданного иностранным государством (ст. 461 УПК РФ).

В-третьих, разрешение проблемы соотношения фактического и процессуального задержания имеет большое значение для понимания сущности задержания как такового, правильного применения действующих норм о задержании лица по подозрению в совершении преступления, а также для дальнейшего совершенствования правового регулирования данной меры принуждения.

В этих целях предлагается изменить редакцию ч. 1.1 ст. 92 УК РФ следующим образом:

«1.1 В случае, если защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента фактического задержания подозреваемого, его участие в составлении протокола задержания обязательно. С момента фактического задержания и до доставления следователю задержанное лицо имеет право привлечь для получения правовой помощи адвоката, вопрос о допуске которого к участию в деле в качестве защитника, решается следователем после доставления ему задержанного. Привлечённый задержанным адвокат имеет право присутствовать при общении с задержанным сотрудниками органов дознания, предоставлять ему консультации».

Кроме того, предлагается дополнить ст. 92 УПК РФ следующими положениями:

«1.2 В случае, если на момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, решение о возбуждении уголовного

дела не принято, как исключение допускается нахождение задержанного в помещении органа дознания и проведение его опроса, совершение других действий, предусмотренных статьёй 144 настоящего Кодекса. В таком случае, задержанному должны быть разъяснены его права, предоставлена возможность привлечь для получения правовой помощи адвоката. Задержанное лицо должно быть доставлено следователю незамедлительно после принятия решения о возбуждении уголовного дела.

1.3. В случае фактического задержания и доставления задержанного в правоохранительный орган, на руководителя следственного органа, его заместителя возлагается обязанность обеспечить участие в производстве задержания следователя в производстве которого находится уголовное дело, следователя производящего расследование уголовного дела в составе следственной группы, а в случае невозможности, поручить расследование уголовного дела или проведение доследственной проверки другому следователю».

В-четвертых, срок задержания исчисляется с момента фактического задержания, равен 48 часов и заканчивается по истечению указанного периода времени без применения правил о переносе сроков в связи с нерабочим днём, на который приходится его окончание. Продление сроков задержания на срок до 72 часов с момента вынесения соответствующего судебного решения, возможно только на основании такого судебного решения, при условии рассмотрения вопроса о применении в отношении задержанного меры пресечения в виде заключения под стражу, признания состоявшегося задержания законным и обоснованным, и при условии подачи стороной обвинения или защиты соответствующего ходатайства. Основанием для принятия такого решения судом является наличие необходимости предоставления сторонами дополнительных доказательств относительно обоснованности или необоснованности применения заключения под стражу.

В-пятых, цель задержания должна быть определена законодательно, например в п. 11 ст. 5 УПК РФ в содержании самого определения «задержание

подозреваемого» в следующей формулировке: «задержание подозреваемого - мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем или прокурором на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, с целью создания условий для подтверждения причастности или выяснении не причастности лица к совершению преступления и принятия обоснованного решения о заключении данного лица под стражу».

В-шестых, в целях совершенствования правового регулирования механизма освобождения задержанного, соблюдения баланса публичного интереса и интересов личности, ст. 94 УПК РФ предлагается дополнить ч. 3.1 следующего содержания:

«Учреждение, в котором содержится подозреваемый считается уведомленным о продлении срока задержания или об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в случае, когда соответствующее постановление было передано должностным лицам, осуществляющим конвоирование задержанного. Факт передачи постановления должностным лицам, осуществляющим конвоирование задержанного, подтверждается распиской».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамов В.Ю. Задержание подозреваемого // StudNet. 2020. № 5. С. 481-485.
2. Большаков Е.В., Назаров И.Д. К вопросу о процессуально-правовой проблематике задержания лица по подозрению в совершении преступления // Пролог: журнал о праве. 2021. № 2. С. 119-130.
3. Бушная Н.В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2005. 31 с.
4. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Монография. Уфа : Издательство Башкирского государственного университета, 2003. 199 с.
5. Вершинина С.И. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве : нормативно-правовая природа и механизм функционирования : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.09 / Вершинина Светлана Ивановна; [Место защиты: Сам. нац. исслед. ун-т им. акад. С.П. Королева]. - Тольятти, 2017. 28 с.
6. Ендольцева А.В. Проблемные вопросы применения положений статьи 449 укп рф // Вестник УЮИ. 2021. №2. С/ 93-99.
7. Жук О.Д. Методика прокурорского надзора за законностью задержания подозреваемых и содержания их в ИВС // Вестник Московского университета МВД России. 2016. №7. С. 170-174.
8. Злыденко Д.С. Определение момента фактического задержания как условие законности его применения в уголовном процессе // Вестник КРУ МВД России. 2019. № 1. С. 23-26.
9. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании

регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

10. Исеев Д.Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09 / Исеев Дамир Русланович; [Место защиты: Юж.-Ур. гос. ун-т]. - Уфа, 2009. 25 с.

11. Исламов М.Э. Цель задержания лица по подозрению в совершении преступления // Проблемы экономики и юридической практики. 2007. № 3. С. 133-137.

12. Куликов А.В., Чобанов Г.А. К вопросу разграничения понятий уголовно-правового и уголовно-процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2019. № 3. С. 25-33.

13. Кальницкий В.В. Следственные действия: Учебно-методич. пособие. Омск, 2001. 165 с.

14. Караваев И.В. Задержание и заключение под стражу: сравнительно-правовой анализ // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 3. С. 145-153.

15. Куценко С.М. Критерии соразмерности ограничения прав лица, заподозренного в совершении преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (54). С. 151-154.

16. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / Под общ. ред. В.В. Мозякова. - М., 2002. 603 с.

17. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Под общ. ред. В.И. Радченко. - М. : Юридический дом «Юстицинформ», 2003. 523 с.

18. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 24.06.2013); ратифицирована согласно ФЗ от 30.03.1998г. 3 54-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».

19. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в ред. согл. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237.

20. Маркелов А.Г., Кошкин В.Н. О необходимости совершенствования оснований уголовно-процессуального задержания подозреваемого в совершении преступлений // *Oeconomia et Jus*. 2018. № 1. С. 62-63.

21. Маркелов А.Г., Бубнова О.Ю. О некоторых законотворческих ошибках современного УПК РФ // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 449-450.

22. Михайлов В.А. Уголовно-процессуальные меры пресечения в судопроизводстве РФ. - М. : Ин-т защиты предприним., 1997. 142 с.

23. Максаров Д.Д. Подозреваемый и процессуальные вопросы его задержания // *Право и жизнь: Межвуз. сб. науч. тр.* Омск, 1967. С. 47-50.

24. Миниярова И.Р., Куценко С.М. Формальные и правовые основания задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // *Пробелы в российском законодательстве*. 2013. № 2. С. 170-173.

25. Магомедов Ш.М. Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук; специальность 12.00.09 – уголовный процесс. Санкт-Петербург, 2020. 218 с.

26. Наумов К.А. Цели и задачи (назначение) уголовного процесса // *Сибирское юридическое обозрение*. 2020. № 3. С. 386-393.

27. Ольшевский А.В. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения: Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. / Науч. рук. А.П. Гуляев; Московский университет МВД России.- М., 2006. 223 с.

28. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1987. 774 с.

29. О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. № 22 // Консультант плюс: справочно-правовая система.

30. Об утверждении Положения о порядке кратковременного задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления: указ Президиума ВС СССР от 13.07.1976 г. № 4203-1X (УТРАТИЛ СИЛУ) // Консультант плюс: справочно-правовая система.

31. Победкин А.В., Яшин В.Н. Фактическое и процессуальное задержание подозреваемого: необходимо решение законодателя // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2018. № 1-2. С. 16-24.

32. Петров И.В. Уголовно-процессуальные аспекты освобождения лица от подозрения в совершении преступления // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 9. С. 161-166.

33. Стельмах В.Ю. Правовая сущность физического, фактического и уголовно-процессуального задержания // Вестник СГЮА. 2015. № 1. С. 207-212.

34. Сурихин П.Л. Задержание лица по подозрению в совершении преступления // Уголовный процесс. 2005. № 7. С. 12.

35. Словарь философских терминов / Научная редакция профессора В.Г. Кузнецова. М. : ИНФРА-М, 2004. 720 с.

36. Тройнина И.С. Задержание по подозрению в совершении преступления и применение мер пресечения в отношении несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых : вопросы теории и практики : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09. Тройнина Ирина Сергеевна; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т]. Воронеж, 2013. 33 с.

37. Тургаев С.Ж. Задержание как мера процессуального принуждения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2018. № 1. С. 76-80.

38. Уголовный процесс / Под ред В. П. Божьева. - М., 2002. 418 с.

39. Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. – М : Зерцало, ТЕИС, 1996. 155 с.

40. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: Учебник. / Отв. ред. П.А. Лупинская. - М. : Юристъ, 2001. 288 с.

41. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. согл. ФЗ от 1 июля 2021 г. № 294-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

42. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 6-е изд., пере-раб. и доп. - М. : Политиздат, 1991. 633 с.

43. Федеральный закон от 1 июля 2010 г. № 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 27. Ст. 3416.

44. Федеральный закон от 22 июля 2010 г. № 155-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 30. Ст. 3986/

45. Федеральный закон от 25 ноября 2013 г. № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. согл. ФЗ от 26 апреля 2016 г. № 112-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2013. № 48. Ст. 6165.

46. Федеральный закон от 30 декабря 2015 г. № 437-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1. Ст. 57.

47. Ферзилаева С.Д. Задержание подозреваемого в уголовном процессе // Государственная служба и кадры. 2020. № 2. С. 163-165.

48. Шишков А.А. Приобретение лицом статуса подозреваемого: некоторые нерешенные проблемы закона // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 6. С. 183-186.

49. Шаркова А.Н. Определение понятия и цели задержания в уголовном производстве // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. 2014. № 5-6. С. 276-279.

50. Шамсутдинов М.М. Некоторые проблемы задержания по УПК РФ // ВЭПС. 2015. № 2. С. 170-174.

51. Шараева Я.А. Исчисление срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Право: история и современность. 2018. № 2. С. 81-85.

52. Юань И. Меры процессуального принуждения по УПК КНР : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.09. С.-Петербург. гос. ун-т. - Санкт-Петербург, 2006. 29 с.

53. Яковлева С.А. Задержание подозреваемого в механизме реализации принципа неприкосновенности человека и права на свободу передвижения // Российский следователь. 2018. № 3. С. 49-52.